

К типологии инославянских переселенческих говоров в России

On the Typology of Immigrant Slavic Dialects in Russia

Сергей Сергеевич Скорвид

Российский государственный
гуманитарный университет;
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Sergey S. Skorvid

Russian State University for the
Humanities;
Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Цель настоящей статьи — представить опыт сравнительной типологии инославянских переселенческих говоров на территории Российской Федерации. Рассматриваются два чешских и два польских говора, локализующиеся на Северном Кавказе и в Сибири, а также западноукраинский говор сибирских голендров. Автор выстраивает внутриязыковую типологию этих говоров с точки зрения их сравнительного структурного анализа. Все описываемые говоры демонстрируют хорошую сохранность первоначальных диалектных систем, и вместе с тем все они испытали значительное воздействие своего языкового окружения, прежде всего региональных разновидностей русского языка. На некоторых участках их систем, однако, наблюдается даже развитие определенных инноваций, что свидетельствует о довольно высокой жизнестойкости этих идиомов.

Ключевые слова

славянские переселенческие говоры в России, Северный Кавказ, Западная и Восточная Сибирь, диалектные системы, консерватизм и инновации, языковой контакт, межъязыковая интерференция, лингвистическая типология

Abstract

The purpose of this research is to introduce a typology of immigrant Slavic dialects spoken in the Russian Federation. The paper deals with two Czech and two Polish dialects located in the Northern Caucasus and in Siberia and with the West Ukrainian patois of Siberian Hollanders. The author outlines primarily the internal linguistic typology of those patois, including a comparative structural analysis. All of the dialects examined here show good preservation of their original dialectal systems and, at the same time, they have been strongly influenced by their language surroundings, first and foremost by regional varieties of Russian. In some aspects of their systems, however, certain developments indicate evidence of the relatively high vitality of these patois.

Keywords

Slavic immigrant dialects in Russia, Northern Caucasus, Western Siberia, Eastern Siberia, dialectal systems, conservatism and innovations, language contact, inter-language influence, linguistic typology

На протяжении ряда лет сотрудниками трех московских славистических центров — кафедры славянской филологии МГУ, кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ и Института славяноведения РАН — ведется работа по изучению различных инославянских переселенческих говоров в Российской Федерации. Автор настоящей статьи исходит из убеждения, что несмотря на генетически обусловленную специфику каждого из этих идиомов, безусловно требующую отдельного их рассмотрения (или с объединением в группы по принадлежности к диалектам того или иного языка), может быть создана также сравнительная типология их развития в “островной” ситуации, характеризующейся их непрерывным контактом с господствующим языком окружения. Опыт построения такой типологии будет представлен ниже применительно пока лишь к двум языковым уровням — фонетико-фонологическому и морфологическому.

Объектами внимания в данной работе будут:

1) северокавказские чешские говоры (СКЧ) в Краснодарском крае, выступающие в двух разновидностях, из которых одна сохраняется сейчас прежде всего в пос. Кирилловка, входящем в МО Новороссийск, и д. Варваровка в составе МО Анапа (далее СКЧн/а), а вторая в д. Анастасиевка Туапсинского р-на (далее СКЧт), всего ок. 50 говорящих в возрасте от 60 до 90 лет;

2) западносибирский, или среднеприиртышский, чешский говор (далее ЗСЧ) в дд. Репинка, Новоградка и Воскресенка, образующих Репинское сельское поселение Калачинского р-на Омской обл., ок. 25 говорящих в возрасте от 60 до 80 лет;

3) западносибирский польский, или мазурский, говор (далее ЗСП) в дд. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и Знаменка Боградского р-на Республики Хакасия, всего ок. 60 говорящих в возрасте от 45 до 80 лет;

4) восточносибирский польский говор (далее ВСП) в д. Вершина и двух соседних населенных пунктах Боханского р-на Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской обл., ок. 200 говорящих среднего и старшего возраста — приблизительно две трети из 328 жителей деревни;

5) восточносибирский украинский говор голендров (далее ВСУг) в дд. Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник Заларинского р-на Иркутской обл., ок. 150 говорящих среднего и старшего возраста.

1. Из истории возникновения говоров

СКЧ формировались с конца 60-х гг. XIX в. (после окончания Кавказской войны), когда земли на Черноморском побережье Кавказа и позже на Кубани осваивали, в числе других, чешские колонисты. В период с 1868 по 1900 г. возникло вначале несколько чешских хуторов близ Туапсе (а затем еще два недалеко от Майкопа, ныне столицы Адыгеи) и — постепенно — более десяти поселений в окрестностях Анапы, Новороссийска и Геленджика, чисто чешских или смешанных, в основном чешско-русских, при одном чешско-польском селе Текос под Геленджиком [Пукиш 2010: 8]. Записанные недавно образцы говора д. Анастасиевка, объединившей бывшие хутора под Туапсе, дают основания предполагать, что прибытие сюда чешских переселенцев — по-видимому, вообще первых чехов на Северном Кавказе — представляло собой часть большой волны чешской колонизации, двигавшейся из Восточной Чехии, которая охватила всю Украину, начавшись на Волыни и распространяясь далее в направлении на юг и юго-восток. Напротив, на территории между Анапой и Геленджиком поселились колонисты, происходившие в основном из Южной Чехии, на что указывают характерные черты говора их потомков.

ЗСЧ, в отличие от СКЧ, возник только в начале XX в. в результате вторичной миграции переселенцев (предки которых приехали из Восточной Чехии) преимущественно с юго-востока Украины, из поселения Чехоград (ныне Новгородковка — укр. Новгородківка) в Мелитопольском р-не Запорожской обл., а также, возможно, из его дочерней колонии Новоград в Бессарабии. Миграция этой группы чехов в Сибирь происходила в русле аграрной политики, проводившейся с 1906 г. правительством П. А. Столыпина. Согласно устным преданиям, бытующим среди потомков переселенцев того времени, первая чисто чешская деревня Новоград(ка) в Омской обл. была основана в 1911–1913 гг. [Харламова 2014: 18].

С 1910 г. ведет отсчет и история восточносибирской польской деревни Вершина в Иркутской обл., также обязанной своим появлением столыпинской реформе, хотя в этом случае речь шла о переселении группы колонистов непосредственно с их исторической родины — из района Домбровского угольного бассейна на границе Малопольши и Силезии и прилежащих к нему районов [GŁUSZKOWSKI 2012: 45; АНАНЬЕВА 2013А: 203]. Несколько ранее, уже в середине 90-х гг. XIX в., в результате вторичной миграции переселенцев с Волыни возникла польская — мазурская — деревня Кожуховка в Енисейской губернии (в наши дни Александровка в Красноярском крае), где и сформировался ЗСП. С 50-х гг. XX в. ее жители по экономическим причинам постепенно переезжали в д. Знаменка в 80 км от Абакана, ныне столицы Хакасии. Сообщая эти сведения, российско-польский историк С. Леончик довольно неожиданно связывает основание Кожуховки-Александровки с миграцией в Сибирь немецких колонистов, вопреки приводимому им же мнению местных уроженцев, что “основателями деревни были поляки из Малопольши, но позднее сюда переселились поляки-мазуры лютеранской веры”, а в конце своей публикации задается вопросом: “Кто такие эти мазуры? Действительно ли они прибыли на Волынь из района Мазурских озер на рубеже XVIII–XIX вв.? Или, может быть, это полонизированные немцы из Мазовшья?” [LEOŃCZYK 2013: 23–25]. Из бесед с жителями Александровки и Знаменки, записанных летом 2013 г., вырисовывается несколько иная картина. Во-первых, лишь изредка встречается утверждение, что *żatkov'e / to òn'i b'ili // spot Krakova p'ijechałi / p'riżeżłi uot mojego tate* ‘дедушка с бабушкой, они из-под Кракова приехали, привезли моего папу’ (причем та же информантка вспоминает: *tata mužuu jek // Prusi to gže b'iuo?* ‘папа говорил, что вот Пруссия. . . это где было?’). Во-вторых, немцы только в отдельных случаях приезжали сюда в составе этнически смешанных семей (*mojej mam'i mama / to moja gruska / ona rodem z G'erm'an'iji¹ // i uot òn'i gžešči tam še znaležłi / še poznakon'ili na tej Ukrajn'e / i uot tam òn'i še pozen'ili i p'sejechałi i uot s'ud'y* ‘моей мамы мама, моя бабушка, она родом из Германии, и вот они где-то там нашли друг друга, познакомились на этой Украине, там они поженились и переехали сюда’) или селились в одних и тех же деревнях вместе с поляками (мазурами); как правило же, они основывали свои поселения (*u nas r'adem z Aleks'androfko b'iu a dir'evn'a // Rak'itof Kluč še nazivača // tam b'ili počti jedne N'emc'i* ‘у нас рядом с Александровкой была деревня, Ракитов Ключ называлась, там были почти одни немцы’). И хотя нельзя исключить, что в числе

¹ Место ударения обозначается знаком ¹ перед ударным гласным, в польских и чешских примерах здесь и далее — в основном в тех случаях, где оно отличается от регулярного в данном языке (на предпоследнем слоге в польском, на первом в чешском).

обосновавшихся в Кожуховке-Александровке переселенцев с Волыни были и “полонизированные немцы из Мазовшья”, не приходится сомневаться, что эта деревня с ее говором, в настоящее время более распространенным в Знаменке, с самого начала имела польский/мазурский характер.

Судьбу сибирских мазуров отчасти напоминает история переселения из районов вдоль Западного Буга в Сибирь — также в рамках столыпинской реформы — так наз. голендров, в чьих сохранившихся поныне деревнях в Иркутской области наша экспедиция побывала летом 2015 г. Их “материнские”, основанные в XVII в. колонии Нейдорф и Нейбров [Бютов 2011: 28], в Российской империи находившиеся в Гродненской губернии, часто называют немецкими, хотя в языковом отношении члены этого сообщества, будучи в той или иной мере полонизированными, в остальном давно перешли на говор/говоры своего западно-украинского окружения. Это отразили и названия их позднейших (по отношению к старым колониям) “выселков” в Волынской губернии *Zamust'eś'e* и *N'ovynu*, которые переселенцы перенесли на свои новые деревни в Сибири. Оба они, при официальных *Пихтинск* и *Средний Пихтинск*, до сих пор звучат в речи этой группы голендров. Что касается польского языка, он, естественно, был известен данной этнической группе в своей периферийной восточной разновидности, фонетические черты которой и сейчас заметны в выговоре пихтинских голендров, не только когда они читают в молитвенных собраниях польские лютеранские *ксьёнжки*, привезенные их предками из колоний на Буге, но и в звучании бытующих в их говоре полонизмов: *z'is* ‘сегодня’ (ср. в кириллической записи на транспаранте над входом в клуб во время свадьбы: “Гуляй *дись*. . .”), *z'en'k'uju* ‘спасибо’, *c'otka* ‘тетка’, *b'apc'a* (наряду с *b'apč'a*) ‘бабушка’ и т. п. При этом остается неясным, в какой мере польский язык, в среде бужских голендров воспринимавшийся, несомненно, как престижный идиом, использовался ими также в повседневном общении. Современные пихтинские голендры на вопрос, говорили ли их родители дома по-польски, давали такие ответы: *m'ama / moj'i huvur'yli šo von'y značit f s'im'ji huvur'yli bołšynstv'o na p'ol'skьm // no 'eta bul'o / 'eta še kad'a bul'o. . . m'ožit 'эта в двац'атые там как'ие та y'оды*. Одна информантка вспомнила даже две звучавшие дома бытовые польские фразы: *Zamknij drzwi* ‘Закрой дверь’ и *Pies szczeka* ‘Собака лает’.

Как видно уже из краткого обзора истории исследуемых инославянских сообществ в России, почти во всех случаях речь шла о переселении крестьян в поисках новой земли. Исключение составляли основатели польской деревни Вершина в Восточной Сибири — потерявшие работу шахтеры из нескольких местечек Домбровского угольного бассейна

[АНАНЬЕВА 2013б: 468; MITRENGA-ULIŤINA 2015: 16], но и для них это была экономическая миграция, приведшая к образованию крестьянской общины. Тем самым на российской территории возникли “островные” крестьянские говоры соответствующих инославянских этноязыковых групп. Представители некоторых из них лишь поначалу поддерживали ограниченные — в том числе языковые — контакты с исторической родиной², однако в результате проводившейся с 1930-х гг. внутренней политики СССР они прекратились. Одновременно углублялась изоляция тех переселенческих сообществ, связи которых с прародиной с самого начала были слабее или отсутствовали. Ситуация стала изменяться только после распада Советского Союза. Следует, однако, признать, что возобновление контактов отдельных таких групп с Польшей и Чехией, включая изучение языка предков в его современной литературной форме в школе, как это имеет место в Вершине [MITRENGA-ULIŤINA 2015: 26], или в кружках, как в селах под Абаканом (польский), Новороссийском и Анапой (чешский), уже не повернет вспять процесс, затронувший в большей или меньшей степени все обсуждаемые сообщества. Процесс этот был обусловлен не только политикой советских властей, но и цивилизационными изменениями, происходившими в течение всего XX в. и происходящими поныне. Отход от патриархального деревенского уклада жизни, урбанизация и в новейшее время глобализация способствовали и продолжают способствовать ассимиляции потомков давних переселенцев.

В наши дни носителями исследуемых говоров являются люди пожилого и среднего возраста, родившиеся в период с 20-х до рубежа 50–60-х гг. XX в. Естественно, все эти говоры реализуются в устной форме, лишь в исключительных случаях получая также письменную фиксацию³. Условия существования данных идиомов в последние 100–150 лет предопределили их типологически во многом сходные особенности (по сравнению с традиционными говорами на коренной территории), наблюдаемые в наши дни.

Все описываемые переселенческие говоры демонстрируют, с одной стороны, хорошую сохранность систем исходных диалектов, сформировавшихся в ареале Центральной и Северо-Восточной Европы, а с

² Например, в действовавшие на Северном Кавказе в 10–20-е гг. XX в. чешские начальные школы учителя (по крайней мере частично) и учебные пособия после 1918 г. направлялись из Чехословацкой Республики.

³ В частности, чехи в Западной Сибири во второй половине XX в. переписывали отдельные тексты из католических книг, привезенных предками из Чехограда, средствами кириллицы (иногда с использованием чешской диакритики над русской буквой). В ряде случаев эти традиционные тексты содержат элементы говора, а некоторые из них снабжены диалектными ремарками — указаниями, когда или сколько раз следует их читать, также записанными кириллицей.

другой — “дрейф” в направлении сближения с системой русского языка в той или иной региональной разновидности, диалектной или общенославянские говоры, возникшие в результате вторичной миграции носителей с территории Украины, изначально испытывали определенное влияние украинских идиомов, с которыми предки современных западносибирских чехов и, вероятно, поляков (мазуров) контактировали еще в Чехограде и на Волыни. Также в Сибири соседями тех и других оказывались украинские переселенцы. На СКЧ, по всей видимости, влиял не собственно украинский, а смешанный украинско-русский идиом, известный под названием “балачка”, сложившийся на Кубани после ее заселения многочисленными выходцами с территории Украины.

2. Фонетико-фонологическая и просодическая система говоров

Ударение в чешских переселенческих говорах, как и в большинстве диалектов на основной территории чешского языка, приходится на начальный слог. Данному правилу нередко подчиняются и русизмы, которые, однако, могут сохранять ударение на том же слоге, что в РЯО. При этом особенно сильное инициальное ударение выступает в ЗСЧ, что некоторые носители даже считают отличительным признаком их говора: *mi mluvíme už // jen 'udar'en'ije / slova ruskí a jen 'udar'en'ije stavíme p'o druhím / mi jak // v'obrus'efsi* ‘мы говорим уже. . . только ударение — слова русские, и только ударение ставим по-другому. . . мы обрусевшие’. Случаи сохранения в русизмах ударения на том же месте, что и в РЯО, и наоборот, переноса его на первый слог, в ЗСЧ порой соседствуют, ср. *před r'evol'ucijej uslíšel že bude r'evol'ucija / bude r'oskuláčivan'ije* ‘перед революцией услышал, что будет революция, раскулачивание’. В последней, частично адаптированной, лексеме отражено довольно типичное продление ударного в РЯО гласного, сопутствующее инициализации ударения носителем говора. В СКЧ, где ударение на первом слоге несколько слабее, русизмы с этой точки зрения ведут себя аналогично, ср. примеры из СКЧн/а⁴: *po tej r'evol'uciji už potom komun'isti bili* ‘после революции уже потом коммунисты были’; *aš přišli kolx'ozi / tak roskul'ačili* ‘когда пошли колхозы, тогда раскулачили’; *fšeccko vzali do kolx'ozu* ‘все забрали в колхоз’, но и с чешским ударением: *neš přišli k'olx'ozi* ‘пока не пошли колхозы’ и т. п. В то же время в исконных словах в СКЧн/а часто происходит специфический сдвиг ударения на слог вправо, напоминающий парокситоническое фразовое ударение в юго-западных чешских диалектах [BALHAR 2005: 502], хотя в

⁴ Подробно различные особенности ударения в этой группе говоров описаны в [Скорвид 2016: 142–150].

описываемом говоре смещенное ударение не обязательно приходится на предпоследний слог: *d'edouška votet vodv'ezli // jemu bil rok* 'дедушку оттуда увезли — ему был год'; *vi ste se um'ořili tenkrát?* 'вы устали тогда?'; *vona bejvá že ne'usliši babička* 'бывает, что бабушка не услышит'; *jesli sme se ešče prov'in'ily* 'если мы еще провинились'; то же в адаптированном русизме: *fšexna mol'od'oš* 'вся молодежь' (ср. в ЗСЧ *m'olod'ož žádná neví českí písničky* 'из молодежи никто не знает чешских песен'). Иногда ударение сдвигается с первого слога еще дальше и падает на последний слог многосложных слов или групп с энклитиками: *jak si jenom nepovit'al* // *fs'o* 'если только ты не поздоровался, то всё'; *to bilo takl'e / i sem šla t'akle střecha* 'это было вот так, и сюда вот так шла крыша'; *byly mal'inkí takoví / černí / potom vir'oslí takovídl'e* 'они были маленькие такие, черные, а потом выросли вот такие'; *koledovali sm'e / jo* 'мы колядовали, да'; *rozedn'ilo s'e / a mlíko doma nemaj* 'рассвело, а молока дома нет'; *fstref'ili sme s'e / i šli sme potom sem* 'мы встречались, а потом шли сюда'; *přines sem pasport a vokázal mu h'o* 'он принес паспорт и показал ему его'; *nevidyžel t'o / i umřel* 'не выдержал он этого и умер' и т. п. Источник этого явления неясен; не вполне точным его соответствием в собственно чешских диалектах можно было бы считать западночешский интонационный тип *plzeňské zpívání* (ср. *Dejte t'o na stůl!* 'Поставьте это на стол!' [ВАЛНАР 2005: 504]). Впрочем, пусть в меньшей степени, подобный сдвиг ударения фиксируется и в генетически восточночешском СКЧТ: *i uđruχ se prodáva tek ten domeček. . . i co / vi ste jen koupili jed'en / χařinku* 'и вдруг продается такой домик. . . и что, вы купили себе один — хатку'; *mi sme učiuy fšexni pravila a uon'i. . . nevy'učeř pravila. . .* 'мы учили все правила, а они. . . не выучат правила. . .'; *uon'i tadi se neuž'ily. . . i tó / uon'i uj'ely / n'epřizili se* 'они здесь не ужились, и это, уехали, не прижились'; *uo takl'en sme žily* 'вот так вот мы жили'. Спорадически сходное явление отмечается также в ЗСЧ: *von'i tadi jako pož'ili v Uoskres'ence. . . a pot'om uj'eli* 'они тут пожили, в Воскресенке, а потом уехали' (под влиянием русского ударения?).

Польские переселенческие говоры сохраняют преимущественно парокситоническое ударение; отклонения от этого также наблюдаются прежде всего в русизмах. К примерам типа *b'abuška, l'etop'is*, которые приводит для ВСП [MITRENGA-ULITINA 2015: 40]⁵, можно добавить подобные им из ЗСП: *s'ud'y f S'ib'ir, sofχ'os, fs'o ravn'o, po m'ojemu, tako k'epoč-k'e* 'такую кепочку' и т. д. С другой стороны, русизмы нередко адаптируются с точки зрения места ударения к исконным словам, ср. примеры из ЗСП *Aleks'androfka / Aleksandr'ofka* либо даже *Aleksandr'ufka, r'odn'a, ono n'e sofp'ada* (в последнем случае происходит также морфологическая

⁵ Далее примеры из этой работы цитируются только с указанием страниц при сокращенном обозначении фамилии автора (МУ).

адаптация). Иногда как в заимствованных, так и в своих словах в ЗСП выступает необычное ударение на первом слоге: *p'ašporty vežme* 'паспорта возьму'; *m'ozeta tam pšišon'č še / moz'eta tutaj* 'можете там присесть, можете тут' (влияние русского языка или эмфатическое ударение?); аналогично в ВСП: *z'arob'iu se* 'заработал себе'; *my tam n'e byli* 'мы там не были' и др.

Ударение в ВСУг — разноместное и подвижное. В речи информантов ввиду частого перехода с родного говора на РЯО и обратно место ударения колеблется в зависимости от выбранного в данный момент кода, ср. *vun' huv'oryt* 'он говорит'; *von'yu pu n'ašomu to n'yx't'o ne huv'oryt* 'они по-нашему-то никто не говорит' (с твердым *-t* в окончании) и *at'ec pryx'oit i gžvar'it* 'отец приходит и говорит'; *k'onu bul'i / ov'ečk'i bul'i i // kar'ovy byl'i* 'лошади были, овечки были, коровы были', но *sčas huv'orymo / skat'ina // kuruv'y* 'сейчас мы говорим: скотина, коровы'.

Как показывают примеры из ВСУг, с сохранением русского ударения в лексемах, заимствуемых из РЯО, бывает связана редукция безударных гласных русского типа (в частности, аканье, как выше в *gžvar'it, kar'ovy*, в отличие от уканыя, присущего ВСУг). Подобная редукция в русизмах — включая в той или иной степени адаптированные — наблюдается также в исследуемых западнославянских говорах, хотя и нерегулярно. Ср. употребительную во всех говорах частицу *kan'ešna*⁶, в СКЧн/а *babuška mu pžmah'ala* 'бабушка ему помогала'; *vikopali z'eml'ánžcku* 'выкопали земляночку' (с редукцией только в заударном слоге); в СКЧт *nu pžn'im'aly* 'ну понимали'; *přešly u pžvasl'avnuju v'eru* 'перешли в православную веру'; *dvje tři s'im'ji* 'две-три семьи'; *von'i mn'ely ti / tak'i te. . . fil'ešk'i* 'у них были такие те. . . тележки'⁷; в ЗСЧ *poxođili / poxođili // nu a pat'om_ek jak. . .* 'походили-походили, а потом как? . . .'; *a vesn'ice tahlecta p'olnžsfju bila češka* 'а деревня эта полностью была чешская'; *mn'eli sme i ruční s'ipar'atori* 'были у нас и ручные сепараторы'; в ВСП *ap'ac ta čotka kšycum* 'опять эта тетка кричит'; *pokam'is' strojiu se* 'покамест строились'; *čikuška* 'чекушка' (МУ 178, 180, 183); в ЗСП *mi b'ili u n'ego / u brata / patpask'i* 'мы были у него, у брата, подпаски'; *pos'ilno ja robžiu. . . f kantoře / f sel'sovete* 'посыльной я работала в конторе, в сельсовете'; *mužili mn'e sob'i ja ujeħa c'if Krasnoj'arsk c'if Krasnžtur'ansk* 'мне говорили, чтобы я уехала в Красноярск или в Краснотуранск'. Последние

⁶ Впрочем, в СКЧт, в ЗСЧ и в ВСП она зафиксирована и с "половинчатой" редукцией либо даже без нее: *kan'ešno / kon'ešno*.

⁷ Безударные гласные в СКЧт нередко вообще редуцируются до нуля звука с сокращением числа слогов в словоформе. Это происходит как в русизмах, ср. *von'i paržodama. . . jely d'o_desi* 'они пароходами ехали до Одессы', так и в исконно чешских словах: *ke mn'e se dostlo* 'ко мне попало' (< *dostalo*); *do semsátího roku* 'до семидесятого года' (< *sed/u/mdesátího*); *tlen < tenhleten* 'вот этот' и т. д.

два примера из ЗСП отражают относительно низкую частотность редукции безударных гласных во всех описываемых говорах: редукция здесь отсутствует в двух из трех нарицательных существительных, употребленных в пределах одной фразы (*pos'ilno, fsel'sovete*), и в одном из двух следующих друг за другом однотипных названий городов (*Krasnoj'arsk*)⁸.

В чешских говорах в некоторых русизмах ударение иногда перемещается на слог с тем редуцированным гласным, какой выступает в безударной позиции в РЯО: ср. в СКЧ у отдельных носителей *z'iml'ánka*; в ЗСЧ в речи одного и того же информанта *kolχos / potom s'auχos* наряду с *sauχ'os*, а также *d'o_sauχozu* и *do_sauχ'oza* (о реализации /v/ в виде [ǔ] см. ниже).

Спорадически редукция гласных в безударных слогах наблюдается также в исконных словах: например, в ЗСП в предлоге и приставке *pod: ras / i te šoduo p'rt tego kun'a* 'раз — и седло под лошадь'; *p'rdgan'al'im te ofce* 'мы подгоняли тех овец'⁹. В СКЧт зафиксирована редукция в приставке *po-* в глагольной словоформе, передающей ударение предыдущему местоимению: *j'á_přčítám že...* (семантическая калька рус. *я считаю, что...* — употребление чешского глагола *počítat* 'считать, вести счет' в значении 'считать, полагать'). В СКЧн/а заслуживает внимания аналогичная редукция гласного, ставшего безударным в результате сдвига ударения с первого слога далеко вправо: *χod'il hledal kost'iv'al // po_r'usk'i on je ok'op-n'ik / a po_č'ešsk'i kost'ev'al // i vot von přič'nášel ten k'zst'iv'al i z babičkou von'i d'elali lik'arstvo* 'ходил, искал костивал — по-русски он окопник, а по-чешски костивал, и вот он приносил этот костивал, и они с бабушкой делали лекарство' (о колебаниях в реализации фонемы /i/ см. ниже).

В о к а л и з м е чешских переселенческих говоров устойчивым различительным признаком гласных остается краткость / долгота¹⁰. Количественные оппозиции гласных используются также в словоизменении и словообразовании. Примеры из СКЧн/а: *kráva* 'корова' — *na kraváχ* 'на коровах', *deset kraf* 'десять коров' (но и с сохранением долготы вследствие

⁸ Следует заметить, что и в региональных устных разновидностях русского языка, с которыми напрямую контактируют изучаемые говоры, картина редукции безударных гласных может отличаться от ожидаемой в соответствии с состоянием в литературном русском языке. Например, в Сибири, как известно, достаточно распространено оканье, чему в речи носительницы ЗСЧ соответствовало бы произношение *pos'ilna* — но не *f kantoře*. Разумеется, в рамках данной статьи нельзя учесть все нюансы русского регионального произношения; в любом случае, однако, обращает на себя внимание, что редукция безударных гласных в переселенческих говорах, испытывающих влияние РЯО, проявляется непоследовательно.

⁹ Другие примеры русского типа редукции безударных гласных в ЗСП — как в аффиксах, включая флексии, так и в корнях исконных слов — приводит STUPIŃSKI [2009: 199].

¹⁰ Для вокализма польских говоров в Сибири и ЗСУ/т/ краткость / долгота гласных в синхронном плане фонологически не релевантна.

выравнивания в парадигме: *krávama* ‘коровами’); *dvúr* ‘двор’ — *ze dvora* ‘со двора’; *zahrada* ‘сад’ — *zahrátka* ‘садик’; *list* ‘лист’ — *lístek* ‘листок’; *koza* ‘коза’ — *kúzlata* ‘козлята’; *namluvit* ‘помолвить’ — *námluvi* (мн. ч.) ‘помолвка’; *hodit* ‘бросить’ — *házet / háďet* ‘бросать’; *končit (se)* ‘кончить(ся)’ — *končívát (se)* ‘кончать(ся)’. Ситуация в других чешских говорах на Северном Кавказе и в Сибири в этом отношении аналогична.

Вместе с тем в речи носителей всех этих говоров может наступать сокращение долгих гласных, особенно *ū*, *ī* в окончаниях и в суффиксах. Чаще оно отмечается в СКЧт и в ЗСЧ, что согласуется с северо-восточночешскими корнями обоих идиомов, но и здесь далеко не последовательно. Ср. в ЗСЧ *u* и *ū* в окончании форм род. п. мн. ч.: *pjet klucu i štiri ďefčata, devjet lidú* ‘пять мальчиков и четыре девочки, девять человек (детей)’; сокращение *ī* в суффиксах: *taťinek* ‘папа’; *kmotřiček* ‘крёстный’; *s košíčkem* ‘с корзинкой’; в корне *dřif/dřiu* и *dřiu* ‘раньше’ и т. д. В определенных позициях, наоборот, в обоих вариантах СКЧ и в ЗСЧ происходит продление кратких гласных: *zéli* (< *zeli*) ‘капуста’; *pěři* ‘перья’ и др.

Результатом влияния восточнославянского языкового окружения, на сей раз уже не чисто русского, на вокализм СКЧн/а является частая здесь реализация фонемы /i/ в виде гласного [i], склонного к [e] (вплоть до совпадения с [e]), типа украинского [i], или — после губных согласных и [ɪ] — более заднего гласного [y], обычно отождествимого с рус. [ы]. Примеры: а) *diš, nemišli, itrn'ice* (чеш. лит. *když* [gdiš] ‘когда’, *nemysli* [nemisli] ‘не думай’, *jitrnice* [jitɾn'ice] ‘ливерная колбаса’); б) *babyčka* ‘бабушка’, *byly* ‘были’ и т. п. В СКЧт эти черты отражаются ограниченно: так, сближение [i] с [e] отмечено один раз в префиксе *při-* (*nu tak přijížďe- / při'evázejí* ‘ну приезжают, привозят’); напротив, реализация /i/ в виде [y] представлена практически регулярно, но исключительно после [ɪ] (*bily* ‘были’). Интересна колеблющаяся огласовка названия пончиков — *koblihy* — в СКЧ: под Новороссийском оно звучит как *koblehi* или *kobl'ьhi* (со сдвигом ударения вправо), под Туапсе — как *koblyhi*. . . *jen s řesta / slatki řisto* ‘только из теста, сладкое тесто’ Указанные колебания, вероятно, объясняются воздействием на СКЧ смешанной украинско-русской “балачки” (в данном смысле примечательно появление в приведенном примере из СКЧт украинизма *řisto*). На этом фоне довольно неожиданным выглядит почти полное отсутствие следов реализации /i/ в виде гласного, аналогичного укр. [i], в ЗСЧ, хотя исходный для него чехоградский говор должен был находиться в более непосредственном контакте с украинским языком. Правда, название главного из трех мест проживания чехов в Омской области в наши дни, деревни Репинка, закрепилось в их говоре в огласовке *Repenka*, однако это особый случай, не обязательно отражающий фонетическую реализацию /i/. При этом фонетике говора

не чужды гласные [y] и рус. [ы]: первый изредка выступает в исконно чешских словах после губных согласных: *mn'e se tadi libyla tadita vesn'ice* 'мне нравилась эта деревня' (ср. *mn'e se tadi nelybi* 'мне здесь не нравится' в СКЧт), а второй встречается в русизмах: *starší. . . se pytal mluvit* 'старший пытался говорить'.

В СКЧн/а в гласном типа укр. [i] может реализоваться и долгая /ī/, например: *tam taki nepřijížděl* 'туда он тоже не приезжал'; *fšexno co ona mn'e říkala po česki* 'всё, что она мне говорила по-чешски'. Напротив, в аналогичных примерах из ЗСЧ *potom otčenáš prořekala* 'потом прочла «Отче наш»'; *on říkal // oj / jak on řek?* 'он говорил, ой, как он сказал?' речь идет скорее о сокращенном [i], склоняющемся к [e] под влиянием форм базового глагола с корнем *řek-*.

В польских говорах Сибири и в ВСУг распределение гласных *i* и *y*, а в ВСУг также *y^e* (типа укр. *і*), фонологический статус которых может определяться различно, подчиняется закономерностям, действующим в каждом из этих идиомов. Сверх того, в речи носителей по причине частого переключения кодов помимо названных гласных в определенных случаях — преимущественно в русизмах — реализуется и рус. [ы]. Ср. в ВСП (из записей 2010 г.) *od uny^e byu / te / a to 'u mn'e latym byl'i stud'enty / sfotograf'irovali se* 'вот они были эти. . . а то у меня летом были студенты, сфотографировались'; в ЗСП *maslo r'yzhyk^ov^oje* 'масло рыжиковое'; в ВСУг *d'id'ы / b'apč'a z z'ed'un'em / to huvur'yli* 'деды, бабушка с дедушкой, говорили'; *b'ydlo* 'скот' (наряду с *b'ydlo*)¹¹.

В к о н с о н а н т и з м е исследуемых чешских говоров заслуживает особого внимания двоякая реализация фонемы /v/. Наряду с губно-зубным [v] — в позициях оглушения также [f] — она нередко представлена губно-губным [ɸ]¹². В ЗСЧ и в СКЧт этот вариант /v/ очень частотен во всех позициях, что согласуется с состоянием в исходном для обоих идиомов восточнечешском диалекте, ср. в ЗСЧ: *na křouci* 'на кладбище'; *u krau* 'у коров'; *postau* 'поставь'; *prun'í* 'первый'; *mladí d'eučátka* 'молодые девушки'; *se svíma d'uoima d'efčatama* 'со своими двумя девочками'; *u nički* 'внучки'; *počidali* (и *poj dali*) 'говорили'; в СКЧт: *uot jakou uona mn'ela fam'ilyju // tam Uodehnalouá / fčeraz bílá Vodehnaloua* 'вот какая у нее была фамилия, Водегналова там — вчера ты была Водегналова'; *je uelká* 'она

¹¹ Эта лексема, произносимая с [ы], практически совпадает по звучанию с рус. уничиж. *быдло*, ср. оценку носительницы ВСУг: *b'ydlo to / 'eto kohd'a uže pr'ozv'išče kak'oje nybut // ну нарот / как быдло!* Знаком *l* в транскрипциях латиницей здесь и далее передается твердый зубной согласный, тождественный рус. [л].

¹² С [ɸ] как вариантом фонемы /v/ в СКЧ и ЗСЧ идентифицируется и вторая часть дифтонгического сочетания [oɸ] (из *ū*). Для ЗСЧ это красноречиво документируют записи чешских молитв кириллическими буквами, где данный дифтонгоид передается как *ов*: *одповщиме* [отроуščíме] 'отпускаем, прощаем' и т. д. Подробнее об этом см. [Скорвид 2014: 51–52].

большая'; *ušeχno* 'всё'. Напротив, в СКЧн/а [ɥ] выступает главным образом в конечнослоговой позиции, а также в начале слова перед гласным *o* (как протеза), реже перед согласным и только спорадически между гласными в середине слова, ср. *kerχof* / *kerχou* 'кладбище'; *mušim fstát* / *vir'ounat fšeχno* 'я должен встать, выпрямить всё'; *potom to uodejde* 'потом это отойдет'; *uředu* 'спереди'; *nerotliuym* 'не поговорю'; *rouidám* (наряду с *roám*) 'говорю'. Такая реализация этой фонемы, в целом не свойственная базовому для данного говора южночешскому диалекту, вероятнее всего, объясняется влиянием кубанской "балачки", где в результате смешения черт украинской и русской фонетики /v/ "может произноситься как [y] неслоговое, как губно-губное [v] и как [f]" [БОРИСОВА 2005: 28]; примеры исследовательницы: *удво́х* и *вдвох* 'вдвоем', *дивча́та*, *тра́вка* и *тра́фка*, *фсё*).

Подобная же двоякая реализация /v/ характерна и для ВСУг, ср.: *my varyum'o z burak'iu boršč* 'мы варим борщ из свеклы' и *pat'om zavel'i ind'uk'if še* 'потом завели еще индюков'; *svekr'ouka/sv'ikr'ofka* 'свекровь'; *uot narv'eš p'ujdeš šcauix'u* 'вот пойдешь нарвешь щавеля'; *ot tam u Zamust'eče* 'вот там в Замостече'; *u katχ'os* 'в колхоз' и *fP'ix'tinsk'e* 'в Пихтинске'; *f safχ'os* 'в совхоз'; *d'ifč'eta* 'девушки'; *fč'ora* 'вчера'; *fs'ehod'a* 'всегда'; *da i fs'o* 'да и всё' и т. п. Варианты [v], [ɥ] и [f] в данном говоре может быть представлена также гласная фонема /u/ в начале слова перед согласным, например: *vže nadoj'ilo* 'уже надоело' и *von'u uže n'e χt'il'i* 'они уже не хотели'; *ukr'al'i* 'украли' и *fkr'adeš* 'украдешь'. Помимо того в варианте [ɥ] реализуется согласная фонема /l/ в глагольных формах мужского рода ед. ч. исторических *l*-причастий: *biu* 'был' — *bu'ta* 'была' (ср. также *pudn'eus'e* и с оглушением *pudn'efs'e* 'поднялся'), но в корнях с давними сочетаниями *ТыТ/ТыТ лабиовеляризация *l* в ВСУг часто не отражается: *v'otna* 'овечья шерсть', *p'otna* 'полная', однако *ku(ɥ)bas'a* 'колбаса' и *mofčit* 'молчит'. Впрочем, иногда — а у одной носительницы ВСУг 1955 г. р. достаточно последовательно — губно-губной [ɥ] выступает на месте любого твердого *l*, ср. *m'asuo* 'масло', *soɥ'oma* 'солома', *v nas stoj'eɥo u'yško d'erev'anne* 'у нас стояла кровать деревянная' (и с мягким *l* перед гласным переднего ряда в другом варианте названия кровати в речи той же информантки: *liško*).

Аналогично в идиолекте одной носительницы ЗСЧ, на момент записи 75-летней, на месте старого твердого *l* нередко отмечается [ɥ], например: *žiɥo se p'jekn'e* 'жили (букв. жилось) хорошо'; *fs'u žís' sem se trud'iuu* 'я всю жизнь трудилась'; *tuiče se m'asuo. . . mi sme dřiɥ. . . takle tloɥkli m'asuo* 'толкут масло. . . мы раньше вот так толкли масло' и т. п. Очень частотна такая замена *l* у двоих носителей СКЧт (1929 и 1946 г. р.): *do šk'ot^uy¹³ sem*

¹³ В ряде таких случаев звучит своего рода лабиовеляризованный *l^u*, предположительно представляющий стадию, предшествующую его изменению

šěu ‘я в школу пошел’; *ve třetím kuasu* ‘в третьем классе’; *rozbombiuy teda / ta hermanska ta vojna / to rozmobili* ‘разбомбили. . . вот германская война (была), тогда и разбомбили’; *fšeckí už vzrósuy tam biuy* ‘все уже взрослые там были’ (наряду с *bily* и *bili*); *ččovjek* ‘человек’; *kuuci* ‘парни’ (и вин. п. ед. ч. *kuka* ‘парня’ с поглощением *u* последующим гласным). В этом можно усматривать либо индивидуальные особенности произношения отдельных информантов, либо следы губно-губной реализации твердого *t* в говоре их предков, прибывших из Северо-Восточной Чехии, где — на северных окраинах — данное явление фиксировалось еще в XX в. [Вёліч 1972: 25].

Регулярно [u] на месте твердого *t* выступает в польских говорах Сибири. В ЗСП такой [u] может быть позиционно смягченным перед *i < y* (*a tedi za stou i* ‘а потом за столы’, *saui žen* ‘целый день’). В некоторых русизмах и изредка в своих словах [u] появляется также на месте *v*: *f sauhoz’e* ‘в совхозе’ (ЗСП), в результате диссимиляции с последующим [f] *šedym žěciuy / fšysk’e ženate juš* ‘семеро детей, все уже женатые’ (ВСП), в обоих говорах *uot* наряду с *vot* (и *ot*) ‘вот’. В этой и иных таких частицах колебания *v/u* наблюдаются и в РЯО. Хотя причины развития *v/u* перед начальным *o* здесь и в других сходных случаях не только в русском языке и в польских диалектах, но и в украинском языке и в чешских диалектах различны, часто этот элемент обобщенно определяется как “протетический *v*”. В ЗСП он — в виде *u* — встречается спорадически и исключительно перед *o* (*on i* ‘они’, *og’en* ‘огонь’, *odlecauo* ‘отлетело’), а в ВСП представлен практически последовательно в начале слова как перед *o*, так и перед *u* (см. МУ 159, словарь).

Из других согласных не просто влияние системы РЯО, но сложное взаимодействие с ней во всех анализируемых идиомах демонстрируют шипящие. Аффриката /č/ в чешских говорах реализуется в виде палатализованного [čʲ] русского типа¹⁴. В польских говорах Сибири, характеризующихся мазурением (в ВСП им был охвачен только исконный č, изменившийся в *s*, а в ЗСП также исконные š, ž), выступает палатальная аффриката č, развившаяся в польском языке из палатализованного *tʲ*. С ней совпадает и č в русизмах и иных лексемах, по той или иной причине не затронутых мазурением, причем для ВСП следует констатировать

в *u*. Разумеется, в словах, заимствуемых из РЯО, во всех говорах может сохраняться также русский твердый [л], который иногда реализуется даже там, где рус. [л] чередуется с [лʲ], распространяясь и на исконные лексемы (либо общие с РЯО, причем не обязательно с твердым [л]). Ср. в СКЧт: *u škole* ‘в школе’; *uico se nam leško* ‘учиться нам было легко’. В таком же звуковом облике *f škole* данная форма воспринятого из РЯО существительного зафиксирована и в наших записях ВСП из Вершины.

¹⁴ С другой стороны, ффрикативные шипящие š, ž в чешских говорах под влиянием русской фонетики могут произноситься тверже.

субституцию рус. [č'] в заимствованиях польским [ć], а в ЗСП действует скорее обратная тенденция. Это связано с судьбой других шипящих в данном говоре. Утрата старых альвеолярных шипящих ś, ź в результате мазурения создала здесь простор для широкого варьирования при реализации новых, первоначально палатальных, шипящих ś', ź', возникших из давних s', z' и появляющихся после — или на месте — губных согласных в связи с так наз. асинхронной реализацией мягкости. В ЗСП такие шипящие колеблются в диапазоне от палатальных (мягких) до альвеолярных (твердых) согласных с наиболее частотной промежуточной реализацией в виде палато-альвеолярных ś', ź'. Этот ряд пополняет аффриката ć, фонетически тождественная русской [č'], с которой может совпадать также ć из ł. Именно она реализуется в заимствованиях из РЯО и в исконных лексемах, не охваченных мазурением: например, *vnuśka* (это слово может быть как своим, сохранившим общепольский облик, так и воспринятым из РЯО), *rynśnik* 'полотенце' и др. Напротив, фрикативные шипящие в заимствованиях не только из РЯО адаптируются, реализуясь в виде ś', ź', ср. *śurek* 'парень' (из нем. *Schurke* 'негодник, плут' или от звукоподражательного польск. *siusiać* 'мочиться'), русизмы *maśina*, *pr'aża* и т. п.

Помимо непарного [č'] из РЯО в рассматриваемые говоры проникают также другие, изначально не свойственные им, мягкие согласные. В принципе ввиду полного двуязычия носителей этих идиомов в их диалектной речи, насыщенной как адаптированными, так и неадаптированными русизмами (вплоть до смешения кодов), могут реализоваться все мягкие согласные, существующие в РЯО, по крайней мере на уровне звуков. Это приводит к существенному расширению консонантизма, особенно в чешских говорах. Так, здесь появляются мягкие губные, заднеязычные согласные и переднеязычные [s'], [z'], [r'], [l']. Ср. в СКЧн/а: *lubi vr'em'a* 'в любое время'; *vona je m'ets'estra* 'она медсестра'; *roun'e n'ihde n'il'z'a bylo jit* 'прямо нигде нельзя было пройти'; *k'iz'il mam v ledn'ici* 'кизил у меня в холодильнике'; *ja čtu / učim tam y'eoyr'af'iju i fs'o* 'я читаю, учу географию там и всё такое' и т. д. Некоторые из них могли бы претендовать и на фонемный статус: например, в СКЧн/а (*vn'im'an'i*) *uđelá* 'уделяет' — *uđelá* 'сделает', в ЗСЧ (*zarabotat*) *v'el'ik* 'велик (велосипед)' — *veliká herman'ika* 'большая гармонь'. Реализация таких фонем в конце слова ограничена, ср. в СКЧн/а *s'enťábr, okťabr / a mi sme v okťabr'u jezďivali* 'сентябрь, октябрь, а мы в октябре ездили. . .', но также *bil tam láger' takovej* 'был там такой лагерь'; в ЗСЧ *S'ib'ir' je S'ib'ir'* 'Сибирь есть Сибирь'. Наиболее частотны они перед гласными переднего ряда, а так как сочетаемость названных гласных (/i/, /e/) с предшествующим мягким согласным обычна для РЯО, данная закономерность в

рассматриваемых чешских говорах начинает распространяться и на свои слова. Указанные смягченные согласные в этой позиции могут реализоваться в них в качестве вариантов соответствующих твердых фонем (а в случае губных — их сочетаний с *j* или *n'*), ср. в СКЧн/а *tos p'eknej kluk / tos pjeknej* 'очень хороший мальчик, очень хороший'; *z m'esta* 'из города'; *v jednom dom'e* 'в одном доме'; *bečku vodv'eze* 'бочку отвезет'; (f) *padesát štvrtím nebo padesát s'ídmim* 'в 54-м или 56-м'; *rusk'íma aftama* 'русскими машинами'. Под влиянием комбинаторики РЯО расширяется и употребление исконно присущих чешской системе мягких (палатальных) согласных *n', t', d'*, которые в данных говорах иногда реализуются перед гласными переднего ряда там, где ожидалось бы твердые фонемы, ср. в СКЧн/а *h'de* 'где' (чеш. лит. *kde*, диал. *hde*); *do padesát šístího lajer'u* 'в 56-й лагерь'; *proz' za náz za hříšn'í* 'проси за нас, грешных' (перед *í < é* в адъективных окончаниях, а в форме императива *proz'* — редкий не в русизмах конечный мягкий свистящий, явно под влиянием русских форм типа *проси/брось*). Из РЯО распространяется также явление регрессивного смягчения в группах согласных: например, *póz'de* 'поздно' в СКЧт.

В польские говоры через заимствования из РЯО проникают отсутствующие в исконных словах мягкие согласные [s'], [z'], [t'], [d'], [r']: ср. в ВСП *S'ib'ir, z'emľanuška* 'земляночка', *fošša* 'теща', *uob'ed'in'en'e* 'объединение', *dr'emuci* 'дремучий', *r'adym* 'рядом' (МУ 54, 147 — словарь, 179–180 — тексты); в ЗСП *s'ud'y* 'сюда', *hoz'ajstvo* и *haz'ajstvo* 'хозяйство', *čut' li* 'чуть ли', *dir'evn'a* 'деревня', *fstr'ecal'i* 'встречали'. В ЗСП благодаря русизмам расширяется также употребление мягких губных согласных, которые ввиду асинхронной реализации их мягкости в этом идиоме (*p > pš, b > bž, v > /v/ž, m > /m/n'*) в своих словах встречаются ограниченно; ср. в заимствованиях: *k'ip'itil'n'ik* 'кипятильник', вин. п. ед. ч. *m'ikr'včt'noř'k'e* 'микроволновку', *v B'ir'zb'ižan'e* 'в Биробиджане', *prosv'iter* 'пресвитер', *zv'ezde n'eli* 'звезду имели'. Впрочем, проявляются и признаки "сопротивления" системы ЗСП усвоению русских мягких согласных (не только губных): перед непередним гласным отвердение с йотацией: *χr'ist'a rospjali* 'Христа распяли'; перед гласными же переднего ряда иногда полное отвердение или сохранение только слабой палатализованности: *pesnop'en'ije* 'песнопение', *krešćica še* 'крестилась', *χrest'ijanska vera* 'христианская вера' (со смягченным *r'* или *r*, но твердым *v*) и т. д. Слабое позиционное смягчение согласных в этом говоре наблюдается и в своих словах: регулярно перед гласным [i], в который вследствие характерного для базового мазурского диалекта изменения переходит [y], спорадически и перед [e]. На реализацию таких позиционных "полумягких" вариантов твердых фонем могли дополнительно повлиять закономерности

русской сочетаемости согласных с гласными, ср.: *v'esela?* // *nu pr'enzi n'is te v'esele še nac'inao...* *b'iuo fšo tamoj r'ešono (r'ešono?)* 'свадьбы? ну прежде чем свадьба началась... там всё было решено'; *mi štir'i (štir'i?) lata tam s хuорет pšez'ili* 'мы четыре года там с мужем прожили', но и *naz b'iuo štyr'uχ* 'нас было четверо' с непозиционно мягким *r* в словоформе исконной лексемы, что можно объяснить аналогией с формой *štir'i (štir'i)* при вероятной поддержке рус. *четырёх*. Помимо того в ЗСП отмечаются случаи замены такими "полумягкими", а иногда и твердыми (!) свистящими согласными палато-альвеолярных шипящих, ср. у одних и тех же говорящих в русизме *jajka krašili / jajka kras'ili* 'яйца красили' и в словоформах исконной лексемы *s'ud'a še šadajta...* *s'ud'a brak se sadač* 'сюда садитесь... сюда надо садиться' (в последнем случае речь идет о своего рода вторичном мазурении).

В ВСУг состав парных мягких согласных был с самого начала близок русскому; под влиянием РЯО, однако, здесь могут происходить некоторые изменения в их дистрибуции. Например, употребление мягких губных согласных в конце слова в РЯО (в том числе в русскоязычных высказываниях пихтинских голендров, ср. *я кончиу школу / восемь кла-соу*) создает возможность их появления в той же позиции в говоре: *po šis' s'im' lid vže pušl'i f kalχ'os* 'по шесть-семь лет — уже пошли в колхоз', но *jim bu'lo / t'atovy v'us'im lit* 'им было... папе восемь лет'. Разумеется, подобные колебания не дают оснований для вывода о фонологизации мягких губных согласных в ВСУг. О "сопротивлении" ей системы говора, кроме прочего, свидетельствуют случаи адаптации в русских лексемах, выступающих как в русской, так и в собственно диалектной речи информантов; ср., с одной стороны, *врим'янки*, а с другой — *m'aju vr'em'e* 'имею время' с регулярной в ВСУг заменой 'а после мягких согласных на е.

3. Морфологическая система говоров

На уровне морфологии во всех исследуемых говорах также можно выделить участки системы, которые сходным образом восприимчивы к воздействию доминирующего языка окружения. Оказывается, однако, что вследствие такого воздействия практически никогда не происходит их полная перестройка по образцу этого языка.

В области и м е н н о г о с л о в о и з м е н е н и я речь идет в первую очередь о выражении категории одушевленности существительных во множественном числе (а в польских говорах также категории персональности, или мужского лица, насколько последняя здесь может быть выделена).

В СКЧ и ЗСЧ сохраняются лишь лексикализованные реликты особых форм им. п. мн. ч. одушевленных существительных м. р. твердого

типа склонения с чередованием согласных перед окончанием *-i*: *Češi* (и *Čeři*), *hoši*, *kluci* (им. п. ед. ч. *hoch*, *kluk* ‘парень’), чаще у существительных с суффиксом *-ák*: *vojáci* ‘солдаты’, *školáci* ‘школьники’ и т. п., также *bratři* ‘братья’ (им. п. ед. ч. *braty*), *kamarádi* ‘друзья’, *sousedi* (и *sousedi*) ‘соседи’, названия животных *včci* ‘волки’, *bejci* (и *bejki*) ‘быки’, *medvjedi*, русизм *barán'i* и др. Та же основа с чередованием, однако, может выступать и в других падежах мн. ч.: ср. род. *v Omsku sou taki Češú hodn'e* ‘в Омске тоже много чехов’; *pjet klucu* ‘пять мальчиков’ (ЗСЧ) // *deset pjeknejx kluci* ‘десять хороших парней’ (СКЧ); дат. *svím klucam* ‘своим парням’ (ЗСЧ) // *ke klucím* ‘к ребятам’ (СКЧ), твор. *mezi Češima* ‘между чехами’ // *samíma Čeřama* ‘самими чехами’ (СКЧ). В результате такой унификации основы во мн. ч. форма вин. п. этих одушевленных существительных совпадает с формой им. п.: например, в СКЧн/а *přepisovali fšexni Češi* ‘переписывали всех чехов’; *sebírali fšexni ti mladí klucí* ‘собирали всех этих молодых парней’; в СКЧт *mí bratři / mn'ela sem dva bratři / uon'i uš potíraly* ‘мои братья. . . у меня были (букв. я имела) два брата, они уже умерли’; в ЗСЧ *ja bila málinká a bejci dou / i uot ti bejci potatuju* ‘я была маленькая, а быки идут, и вот этих быков я помню’. Тем самым во мн. ч. возникает то же соотношение вин. п. = им. п., что и у остальных одушевленных существительных, которые не имеют специальных форм им. п. мн. ч., например: им. п. *dva sini umřeli* ‘двое сыновей умерли’ = вин. п. *dva sini mn'el* ‘двоих сыновей имел’; им. п. *sedí babički / dedečki* ‘сидят бабушки, дедушки’ = вин. п. *dedečki ja nepamatuju* ‘дедушек я не помню’ (ЗСЧ); им. п. *vnuki tak taki uš máloco rozumí* ‘внуки тоже уже мало что понимают’ = вин. п. *mn'eli sme malí vnuki* ‘мы имели маленьких внуков’; *králiku sou // řcete uvid'et králiku?* ‘кролики есть. . . вы хотите видеть кроликов?’ (СКЧн/а).

Только в рамках склонения существительных мягкого типа в исследуемых чешских идиомах можно говорить о выражении одушевленности во мн. ч., показателем которой является окончание им. п. *-i* (*N'emci*, но *hřnce* ‘горшки’)¹⁵. При этом под влиянием соотношения вин. п. = им. п. во мн. ч. одушевленных существительных твердого типа то же окончание получают и формы вин. п., ср. в СКЧн/а *jak nalítli naše samol'oti ruskí / načali bombit ti N'emci* (вин. п.) / *N'emci* (им. п.) *gdo kam* ‘как налетели наши русские самолеты, начали бомбить этих немцев — немцы кто

¹⁵ Впрочем, некоторые одушевленные существительные мягкого типа имеют в им. (а также вин.) п. мн. ч. окончание *-e*: *přátele* ‘родственники’ (ср. в СКЧн/а *mám ešce přátele f Kirilce / sou to Růžičkú / to sou moji přátele* ‘я имею еще родственников в Кирилловке, это Ружички, они мои родственники’); *rodiče* наряду с *rodiči* ‘родители’; (*tři*) *krále* ‘короли, цари, волхвы’ наряду с *mi tři králové deme k vám* ‘мы, три волхва идем к вам’ (при повторении — *králevé!*) в песне, записанной от носительницы СКЧт (форма на *-e* с окончанием изначально вин. п., видимо, извлечена из сочетания *na tři krále* ‘на (день) трех волхвов’); *kon'e* ‘кони’.

куда'; *tam bili samí Jevr'ěji* (им. п.) . . . *tak ti Jevr'ěji fšexni* (вин. п.) *N'emci* (им. п.) *potřileli* 'там были одни евреи, так всех этих евреев немцы расстреляли'; в ЗСЧ *bilo sokrasčen'í / učiteli* (вин. п.) *ubirali n'ákí // i vot učiteli* (им. п.) *museli n'ekam ujd'it* 'было сокращение, каких-то учителей увольняли, и вот учителя должны были куда-то уходить'. Крайне редко у одушевленных существительных обеих разновидностей это соотношение уступает место соотношению русского типа, т. е. вин. п. = род. п.: например, в СКЧн/а *náš Suv'orof. . . jak vihnal tex Tat'arú / tiž Turkú* 'наш Суворов. . . как выгнал этих татар, этих турок'; *brali tex lidí ruskejx v armiju* 'брали в армию русских людей'; в СКЧт — с субстантивированным прилагательным: *i cizyx tam rořovávaji* 'и чужих там хоронят'. В высказываниях *a muzikantu sme mn'eli / jen jednoho češského muzikanta* 'а музыкантов мы имели. . . только одного чешского музыканта'; *kuci našitají zaz živejx brapcu* 'парни наловят живых воробьев' (ЗСЧ) выступают формы род. п. мн. ч. с количественным значением, а в случаях типа *do armije našix Češú nebrali* 'в армию наших чехов не брали' (ЗСЧ); *N'emci nemn'eli rádi Jevr'ejef* 'немцы не любили евреев' (СКЧн/а, с русским окончанием -ев) речь идет о копировании русских конструкций с родительным падежом отрицания. Совершенно исключительными выглядят два примера употребления во мн. ч. форм вин. п. = род. п. у существительных ж. и ср. р., обозначающих лиц женского пола: *mám pravnuček* 'имею правнучек' (СКЧн/а) и *jednu ned'eli kluci nás šmykustovali / d'efčat* 'в одно воскресенье парни стегали прутиком нас, девушек' (ЗСЧ). В последнем высказывании толчок к такому употреблению могла дать предшествующая местоименная форма вин. п. = род. п. *nás*. Ср. в речи той же носительницы ЗСЧ формы вин. п. = род. п. мн. ч. других местоимений в одном ряду с формами вин. п. = им. п. существительных и местоимений, непосредственно с ними связанных: *kamsi to jix* (вин. п. = род. п.)¹⁶ *uhán'eli / naši Češi i N'emci* (вин. п. = им. п.) / *kerí* (вин. п. = им. п.) *z Volhi přihnali sem. . . i vot N'emci* (им. п.), *vot von'i. . . nás fšexnix* (вин. п. = род. п.) *mn'eli rádi* 'куда-то их угоняли, наших чехов и немцев, которых с Волги пригнали сюда, и вот немцы, вот они нас всех любили'.

В целом, таким образом, можно заключить, что утрата первоначального выражения одушевленности существительных в им. п. мн. ч. в рассматриваемых чешских говорах, бесспорно, наступившая под влиянием РЯО, где эта категория в указанных формах не проявляется, в вин. п. мн. ч. не привела к совпадению с состоянием в РЯО. Напротив,

¹⁶ Форма вин. п. = род. п. местоимения 3-го л. мн. ч. *jix*, встречающаяся в ЗСЧ и реже в СКЧ наряду с *je*, не выражает одушевленности, так как она может относиться и к неживым объектам, ср. *mi sme jih zrouna tadi umlátili a zrouna sme jix vozili na zavot / d'áli z n'ix máslo* 'мы их тут мололи и возили их прямоком на завод, из них делали масло' (о семечках подсолнечника) и т. п.

здесь в разных вариантах представлен отличный от русского синкретизм вин. п. = им. п., находящий опору в собственно чешских диалектах, в особенности в северо-восточных, но встречающийся и в Южной Чехии [VĚLIČ 1972: 152–153, 164; BALHAR 2002: 248–254]. Если, однако, формы им.-вин. п. мн. ч. типа *kluci, hoši, kamarádi*, а также *N'emci* (ср. *pekaři* в [BALHAR 2002: 249, карта 166] или, в группе названий животных, *králíki*) имеют корни в чешских диалектах, то совпадение форм им. и вин. п. мн. ч. типа *vnuki, dědečki* развилось в СКЧ и ЗСЧ вторично, в результате взаимодействия соответствующих звеньев русской и чешской систем. Заслуживает внимания, что неразличение форм вин. п. и им. п. мн. ч. одушевленных существительных наблюдается даже в русскоязычных или смешанных высказываниях информантов, например: *наш'ол в Маскв'е Кадерм'асови* 'Кадермасовых' (носитель ЗСЧ о своих однофамильцах или родственниках); *он люб'ил вот 'эму / kerak / zvířata // tam medvjeďi / tuhleto / viš // ну ваану'е зв'еру / зв'еру von mn'el rat* (СКЧн/а).

В отличие от чешских говоров, в ЗСП и ВСП на фоне наступившей, вероятно, еще в исходных диалектах утраты существительными морфологической категории мужского лица, которая не находит выражения в им. п. мн. ч. (ср. в ЗСП *srodne braty* 'родные братья'; *sonšady tak'ego n'e suysel'i* 'соседи такого не слышали', в ВСП *jak'eš Polak'i baržo dužo strachu uizyuju* 'какие-то поляки много страха натерпелись' — МУ 120)¹⁷, под влиянием РЯО происходит расширение рамок категории одушевленности. С одной стороны, в ЗСП зафиксировано употребление архаичной формы вин. п. мн. ч. существительного м. р., обозначающего человека (хотя и невзрослого), которая в силу утраты категории мужского лица совпала с формой им. п. мн. ч.: *tři vnuk'i tam* 'твоих внуков имею'. Чаше подобные — вполне ожидаемые — формы вин. п. мн. ч. получают в данном говоре названия животных м. р., например: *čelak'i mam'i* 'мы телят имеем', *una pasuca kón'e* 'она пасла коней', а также существительные ж. р., обозначающие живые существа: *on'i krov'i dojo* 'они коров доят'; *štir'i lata paš'im te ofce* 'четыре года мы пасли этих овец'; *dva dočk'i ma* 'она двух дочек имеет'; *ja za n'ix prose / za svoje kamratk'i* 'я прошу за них, за своих подружек' и т. п. С другой стороны, обычной для всех названий лиц и животных как м., так и ж. р. является в ЗСП форма вин. п. мн. ч., совпадающая с формой род. п., например: *fšey zabrali / fšex xupov*

¹⁷ В приводимых этой исследовательницей текстах, однако, встречается также форма *Polacy s Polsk'i* 'поляки из Польши', по-видимому, имеющая цитатный характер, и специфическая форма *moje dvojurodne bračo* 'мои двоюродные братья' / *šež bročo* 'шестеро братьев' (МУ 178, 180, 184) — впрочем, как показывает ее сочетаемость с адъективными словами, не выражающая категории мужского лица. При этом в записях ВСП 2010 г. зафиксирована и "лично-мужская" сочетаемость *fšysy luže* 'все люди' (у информантки 1932 г. р.).

zabrali // i babov daže braĭi // i kobžetof / i χuopof / fšex pozabžerali ‘всех забрали, всех мужиков забрали, и баб даже брали, и женщин, и мужиков, всех позабирали’; *dvuy žatkof stamtont pšizežli* ‘двоих детей оттуда привезди’; *mauy žecuf uc’iua* ‘маленьких детей учила’; *tam rasprovažali kto psof / kto...* ‘там разводили кто собак, кто...’; *vovali gynšakuf* ‘звали гусей’; *tam třimali i krovof pr’enzej / i kokosof třimali* ‘там раньше держали и коров, и кур держали’. Иногда формы вин. п. = им. п. и вин. п. = род. п. мн. ч. одних и тех же существительных — прежде всего ж. р. — в высказывании соседствуют: *posuā krovī dojić // f sofxože dojiuā krovuf* ‘пошла коров доить, в совхозе доила коров’. Подобное же состояние прослеживается в ВСП, ср. *pšyn’esua (urodzila) dvux curkuf* ‘родила двух дочек’; *dvanašše lod m’ou, jak pas ov’ec* ‘с двенадцати лет пас овец’ — но также *čšymali my krovu, šv’iñe, uofcy* ‘мы держали коров, свиней, овец’ (MU 119).

К. Дейна, характеризуя критерии выделения класса лично-мужских существительных, замечал, что в некоторых диалектах на территории Польши “совпадение форм асс. pl. и gen. pl. не может считаться решающим фактором, если в них наряду с типом *zebrāł χtopof* встречаем также *mām tšex kotkōf, oñi maĭo dobryχ psōf, ĭa vĭžāł ĭĭχ* (женщин) или *māł synu za ofčažōf*” [ДЕЙНА 1993: 232]. За исключением типа *ĭa vĭžāł ĭĭχ*, где речь идет о местоимении¹⁸, во всех этих примерах выступают существительные м. р. С учетом того, что названия животных *kotek* (по-видимому, не *kotka*) и *pies* в этих диалектах ведут себя так же, как названия лиц типа *chtop*, можно было бы говорить о выражаемой в вин. п. мн. ч. категории одушевленности в рамках существительных м. р. Переселенческие польские говоры в Сибири, как показал анализ материала, под влиянием РЯО идут в этом отношении еще дальше¹⁹.

В ВСУг колебания при выражении одушевленности в вин. п. мн. ч., аналогичные отмечаемым в ЗСП и ВСП, представлены у названий животных, прежде всего ж. и ср. р., что, с одной стороны, соответствует ситуации, наблюдающейся в (западно)украинских говорах, а с другой — соотносится с диалектным состоянием в РЯО²⁰. Примеры: вин. п. = род. п.

¹⁸ В рассматриваемых здесь польских переселенческих говорах эта форма местоимения 3-го л. может относиться не только к женщинам, но и к неживым объектам, тогда как формы вин. п. мн. ч. *je* ни в ВСП [MITRENGA-ULIŃINA 2015: 79], ни, по-видимому, в ЗСП вообще не существует.

¹⁹ Выражение категории одушевленности у существительных м. и ж. р. во мн. ч. — *v’ize tyĭ bar, psuf* ‘вижу этих баб, псов’ — в числе черт, возникших вследствие контакта с восточнославянской диалектной средой, отмечается также в периферийной восточной разновидности польского языка [АНАНЬЕВА 1994: 107].

²⁰ В частности, Н. Н. Дурново, перечисляя морфологические “черты общемалорусские”, указывал: “асс. pl. от имен животных совпадает с ном. pl.: *воли, корови*”, но по говорам “известно и употребление gen. pl. в значении асс. pl. от имен лиц женского пола и от имен животных. Б.-р. в этом случае совпадает с м.-р. По-видимому, м.-р. и б.-р. в данном случае стоят лишь на более

у существительных м. р.²¹ *kon'ej korm'eť* 'конец кормят', *pat'om zavel'i ind'uk'if_še* 'потом завели индюков еще'; ж. р. *uv'ec' ja sr'azu p'asta* 'вначале я овец пасла', но вин. п. = им. п. у лексем из РЯО *pč'ouy kup'yu* 'пчел купил', *tam von'a pryjm'aje t'yje t'olk'i* 'там она принимает этих тёлков'; собират. и ж. р. *h'usy trym'al'i i'utk'i trymal'i* 'гусей и уток держали'; ср. р. *tel'eta mal'uje p'asli* 'телят маленьких пасли'. Смешанный случай: *kor'ovu trym'ajemo / try byč'ka* (русизм *три бычка*, но вин. п. = им. п.) *da i poros'etok / k'uroč'k'i trym'ajemo* (у существительного ср. р. *poros'etko* 'поросенок' вин. п. = род. п., но у лексемы ж. р., заимствованной из РЯО, вин. п. = им. п.). Колебания в формах вин. п. мн. ч. у названий животных ж. р. фиксируются и в русскоязычных высказываниях носителей данного говора, ср.: *и кар'овой да'ила*, но *к'уры д'ержыш // 'яйца здай*.

В именном словоизменении исследуемых говоров наблюдается также поразительный параллелизм процессов обобщения ряда окончаний у существительных разных родов и типов склонения. Речь идет в особенности о следующих явлениях.

1) Неравномерное по говорам распространение окончания род. п. мн. ч., восходящего к *-овъ, у существительных ж. и ср. р. В ЗСП окончание *-of/-ōf/-uf* преобладает у всех таких существительных: ж. р. *n'e b'ico cer'kvof* 'не было церквей' (им. п. ед. ч. *cer'kva*), *šica ulicuf* 'сколько улиц', *ze sfoix ryncuf* 'из своих рук' (им. п. мн. ч. *rynce*), но *pšin'c gynš* 'пять гусей' (наряду с *gynšuf*), *do pšen'ciχ gožin* 'до пяти часов'; ср. р. *pšeńc žedruf* 'пять ведер'; аналогично *pšyńc žečof* 'пятеро детей', *duzo lužof* 'много людей'. Это согласуется с состоянием в мазурских и в некоторых других польских говорах [URWAŃCZYK 1984: 45]; также в польских диалектных текстах из Силезии встретились примеры *mašynof n'e byco* 'машин не было', *do stodouof* 'в сараи' [СТЕВЕР 1956: 99]. Соответственно и в ВСП употребляются в качестве дублетных формы *krovuf/kruf* 'коров', *šv'in'uf/šv'in* 'свиней', *košuf/košci* 'костей', *žečuf/žeći* 'детей', *čelyn'čuf/čelyn'ci* 'телят' (МУ 68–70). Регулярно выступает окончание *-ú/-u* у существительных 'дети' и 'люди' в СКЧт (*modz d'eťú* 'много детей', *pjet lyđu* 'пять человек') и ЗСЧ, где оно зафиксировано еще у одного существительного ср. р. (*hodn'e liđu* 'много людей', *tolik d'eťu* 'столько детей', *kolik menú* 'сколько имен'), хотя в базовых для двух этих идиомов северо-восточных чешских диалектах подобная экспансия окончания *-ú/-u* не отмечается. В любом случае можно допустить, что распространение соответствующих

старой стадии развития, чем в.-р., прошедший ее раньше; до сих пор с.-в.-р. говоры Сибири сохраняют старую форму асс. pl. = ном. pl. от имен животных" [Дурново 1969: 188, 213].

²¹ Особое употребление одушевленного существительного м. р. во мн. ч. в форме вин. п. = им. п. находим в предложном сочетании с "превратительным" значением *nađ'ah'al'is'e fcyh'any* 'наряжались в цыган'.

окончаний во всех рассматриваемых идиомах было поддержано аналогичным развитием в восточнославянских (русских, а возможно, и украинских) говорах, с которыми они контактировали²². С этой точки зрения крайне показательно, что в смешанных в языковом отношении высказываниях пихтинских голендров часто трудно сделать однозначный вывод о принадлежности форм с таким окончанием их русской речи или родному говору²³. Ср.: *tut na l'ito to do b'abou pr'ijiž'ajut z g'orada* 'сюда на лето к бабушкам приезжают из города (дети)'; *uot t'y'je uot šo utx'ody ostaj'eš'e. . . ut s'em'ičkou tyx i ut tyx konopl'iu* 'вот эти отходы, что остаются от этих семечек и от конопли'; *pu dv'en'atced' b'ułok napek'u* 'по двенадцать булок напеку', но *i napeč'eš tak'iy buu'eč'iu* 'напечешь таких булочек'; *katl'etou nar'obyš* 'котлет наделаешь'; *r'an'se zn'aješ sk'oko m'uχou buł'o* 'раньше знаешь сколько мух было'; *ja 'etiχ fs'ak'ix sv'ck'ix p'esn'uf sk'il'ko vm'ita!* 'а сколько я всяких этих светских песен знала!'

2) Распространение окончания местн. п. ед. ч. *-u* у таких групп существительных м. и (реже) ср. р., для которых в коренных диалектах соответствующих языков оно необычно или невозможно. В СКЧн/а и в ЗСЧ это касается в основном лексем, воспринятых из РЯО, зачастую с русским мягким согласным в исходе основы: *v d'ekabr'u* (и с отвердением *v d'ekabru m'es'ici*), в СКЧ *f S'ib'ir'u, na l'ayer'u* (и *v l'ayer'e*), *v hosp'ital'u, na des'atim etažu*, а также некоторых русизмов и исконных слов с твердым согласным: в СКЧ *v ohorodu* (и *v ohorođe*), *na barab'anu, f tom kr'eslu* (ср. р.), *na vozu, na jednom lystu* 'на одном листе', *po celim svjetu* 'по всему миру'; в ЗСЧ *na zavodu, f štabu, ve dvoru* 'во дворе' (и *na tímhle dvoře*), *ve sklepu* (и *ve sklepje*) 'в подвале', в обоих говорах *v lesu* и др. В ЗСП окончание *-u*, закономерное у имен с основой на функционально мягкий согласный, фиксируется и в заимствованиях из РЯО, в том числе в случаях типа *v okfabr'u*, а также в русизмах и в своих словах с основой на твердые согласные, прежде всего губные: *v raz'umu, f K'ujb'iševu*, ср. р. *v d'ectvu, na dževu* 'на дереве'. В ВСП дублетные формы местн. п. ед. ч. собственно польских лексем типа *kotu* и *koće, psu* и *pše, švagru* и *švagže* 'свекре' приводит (МУ 64). У отдельных существительных м. и ср. р. окончание *-u* отмечено и в ВСУг: *vot my v l'isu spyv'al'i; f t'omu vedr'u* 'в этом ведре'.

²² Так, Н. Н. Дурново констатировал завершение процесса устранения родовых различий в склонении восточнославянских существительных во мн. ч. "образованием gen. pl. на *-ov* от имен женского и среднего рода, ср. даже в Москве — *местов, делов* и пр., диалект. в.-р. *бабов, звёздов*, укр. диалектические, не чуждые, однако, и литературному языку *ранів, землів* и пр. и вполне литературные *радоців, хитроців* и пр." [Дурново 1969: 135].

²³ В [ЗАКРЕВСЬКА 1988, карта 195] на территории вдоль Западного Буга, исходной для ВСУг, зафиксированы почти исключительно формы типа *bab'ij/бaбиij* и спорадически *babou*.

Причины такой экспансии окончания *-и* в разных говорах, при всем их своеобразии в данном отношении, кажутся отчасти сходными. В ЗСП и в некоторых случаях в чешских говорах это окончание явно предпочитается во избежание нетривиального чередования согласных. Так, в ЗСП с асинхронной реализацией мягкости губных выбор окончания *-ě* предполагал бы такие изменения, как *m ~ n'*, *v ~ ž*, *tv ~ tš*; специфический случай — *f Krasnodařu* (!), когда диалектоносительница уже произвела замену *r ~ ř*, а затем, после функционально мягкого *ř*, выбрала окончание *-и*. Колебания могут быть связаны и просто с наличием в системе двух окончаний местн. п. ед. ч. Иногда несомненно прямое влияние русских форм типа *в лесу*, *на возу*. Не столь очевидным, но допустимым представляется предположение о системном влиянии на указанный участок склонения существительных в данных говорах восточнославянских диалектных идиомов, с которыми они находились в контакте. В частности, южновеликорусское наречие, по Н. Н. Дурново, характеризует “распространением формы loc. sg. на *-и* на имена мужского рода с неподвижным ударением и частью на имена среднего рода: *на жениху*, *на концу*, *на коню*, *при отцу*, *на дявишнику*, *на столику*, *у полю* и т. п.” [Дурново 1969: 155]. Подобные формы известны также многим украинским диалектам; впрочем, особенно в западных говорах *-у* в местн. п. ед. ч. существительных мужского рода выступает наряду с более частотным окончанием исконно дат. п. ед. ч. **й*-основ *-ови/-ов'и* [Залесский 2001: карта 28].

3) Окончания, восходящие к **-ovi*, в формах дат. и местн. (или только дат.) п. ед. ч. существительных м. и (реже) ср. р. выступают во всех исследуемых говорах, хотя их распространение в отдельных идиомах не совпадает. В СКЧн/а речь идет об окончании дат. и местн. п. *-ovi* (с фонетическим вариантом *-ovu*) как показателе одушевленности существительных м. р., например: *povídali d'edouškovi* ‘говорили дедушке’ (и *d'edouškovy*), *po tátovi bila Hrachú* ‘по отцу ее фамилия была Грах’, *neco dá storožovi* ‘что-то даст сторожу’, *nado Sašovi říct* ‘надо Саше сказать’, *bajzíkovi dám papat* ‘собаке дам поесть’, *k tomu kon'ovi* ‘к тому коню’. Это же относится к окончанию *-oj* (с сохраняющимся переходным вариантом *-o^ui*) в ЗСЧ: *d'edečkej říkali Antoš* ‘дедушку звали Антош’, *mladímu klukoj* ‘молодому парню’, *jednomu Ukrajincoj* ‘одному украинцу’, *k tátoj* ‘к отцу’ и *po taťínko^ui* ‘по отцу’. В дат. п. то же окончание *-oj* в СКЧт (*sinoj* ‘сыну’, *g d'edečkej* ‘к дедушке’), окончание *-ov'i* в ВСП (*žin'cov'i* ‘зятю’, *kun'ov'i* ‘коню’, *psov'i* ‘псу’, *čelyncov'i* ‘теленку’ наряду с *žin'cu* и т. д., МУ 64, 69), контаминированное *-ožu* < *-ov'i* + *-и* в ЗСП (*panožu bogu* ‘Господу Богу’, *ojcožu* ‘отцу’, *proskožu* ‘зазывале’, *kun'ožu* ‘коню’, *psožu* ‘псу’, *b'idožu* ‘скоту’) и *-ovu* в ВСУг (*t'atovy v'us'im l'it* ‘папе /было/ 8 лет’), вероятно, присуще только одушевленным существительным м. р. и — по крайней мере в

польских говорах — некоторым названиям животных ср. р.²⁴ Иная ситуация в местн. п. ед. ч. Здесь окончания *-oj* в СКЧт и *-ovu* в ВСУг распространились на все существительные м. и отчасти ср. р., например: *na Kaukázoj* ‘на Кавказе’, *v Novoros’ijskoj* ‘в Новороссийске’, *v Armav’iroj* ‘в Армавире’, *v M’inskoj* ‘в Минске’, *f tetom rokoj* ‘в этом году’, *v druhim domoj* ‘в другом доме’, *u kluboj* ‘в клубе’, *na házoi* ‘на газе’, *u másloj* ‘в масле’ (СКЧт); *na kun’ovu* ‘на коне’, *na tuk’ovu* ‘на току’, *f kutk’ovu* ‘в углу’, *na kut’irovu* и то же в русском соответствии данной лексемы *na varatnyčk’ovu* ‘на воротничке’, *pu řiliv’izorovu* ‘по телевизору’, *na s’alovu* ‘на сале’ (ВСУг). При этом если в ВСУг речь идет, несомненно, о продолжении западно-украинского развития²⁵, то в СКЧт указанное явление представляет собой независимую инновацию, которая не имеет опоры в северо-восточном чешском диалекте, хотя находит типологические параллели далеко за его пределами²⁶.

В глагольном словоизменении системное воздействие РЯО на чешские и польские переселенческие говоры привело к усилению действовавшей еще в исходных диалектах тенденции в области образования форм прошедшего времени и сослагательного наклонения. Речь идет об устранении форм вспомогательного глагола или производных от них личных показателей при употреблении личного местоимения в позиции подлежащего. В чешских говорах — особенно в СКЧн/а, реже в остальных идиомах — этот процесс затрагивает только формы 1-го л. ед. ч., в прошедшем времени — иногда также 1-го л. мн. ч. Ср. примеры (сохраняющиеся формы вспомогательного глагола подчеркнуты пунктиром):

а) прошедшее время — СКЧн/а, ед. ч. *já tam n’ihdá **nebil** / a vid’et řem je vid’el* ‘я там никогда не был, а видеть их видел’; *já po n’emecki **mluvil** // já řem **mluvil** n’emecki řiste* ‘я по-немецки говорил. . . я чисто говорил по-немецки’; *i vot **já tam řod’il řsude*** ‘и вот я там везде ходил’; *já **nevjed’el** hdá řpát, hdá nespat* ‘я не знал, когда спать, когда не спать’; *já tak **se řtela***

²⁴ В северо-восточном чешском диалекте, с которым генетически связан СКЧт, также отмечаются редкие случаи употребления форм дат. п. ед. ч. с окончанием *-oj* у названий животных ср. р. типа *prasátkoj* ‘поросенку’ [LAMPRESNT 1976: 89]. С другой стороны, носители ЗСП конструировали формы дат. п. ед. ч. с контаминированным окончанием *-oži* даже для существительных ср. р., обозначающих неживые объекты: *oknoži* ‘окну’, *ředroži* ‘ведру’. Подобные формы, впрочем, кажутся довольно искусственными.

²⁵ Ср., помимо [ЗАКРЕВСЬКА 1988: карта 181], примеры в одном из текстов на сайте издания “Над Бугом і Нарвою — Український часопис Підляшшя”: *xťoř virubav v **пньови** корито* ‘кто-то выдолбил в пне углубление’; *y 1945 **рокови*** ‘в 1945 году’ и др. [http://nadbuhom.pl/art_0149.html].

²⁶ Так, окончание *-oj* в дат. и местн. п. ед. ч. существительных всех (!) родов является одной из характерных морфологических особенностей восточнословацкого земплинского говора, ср. местн. п. *na vozoi* ‘на возу’, *u domoi* ‘в доме’, *na drevoji* ‘на дереве’, *na okoji* ‘на глазу’, *o řestroji* ‘о сестре’ [ŠTOLC 1994: 119].

podívat na ně ‘я так хотела посмотреть на них’; *já už bila vdaná tadi* ‘я уже была замужем тут’; *já d'elala f sád'iku* ‘я работала в детсаду’; *já na to vivalovala voči* ‘я на это глаза выкатывала’; *mn'e dali les a s toho lesu já d'elal dúm svůj* ‘мне дали лес, и я из этого леса строил свой дом’; *nu já zalezla* ‘ну, я залезла’; *to už bila starší já* ‘это я уже была старше’; мн. ч. *bil tam láger' takovej / Čexi bili zvlášč a mi bili zvlášč* ‘там был такой лагерь, чехи были отдельно, и мы отдельно’; *a žili mi tadi nedaleko Borisofki / tam mn'eli dum* ‘а жили мы недалеко от Борисовки, там имели дом’; ЗСЧ, ед. ч. *jak on řek // já už i zapomn'ela* ‘как он сказал. . . я уже и забыла’;

б) сослагательное наклонение — СКЧн/а *a já bi mox ešče jít* ‘а я бы мог еще идти’; *nada bilo rači f košili jít do tej vodi / já bi nebil pořezanej* ‘надо было лучше в рубашке идти в воду, я бы не порезался’; *tak abi našla // abi já našla toho Franťika* ‘чтобы нашла, чтобы я нашла этого Франтика’; СКЧт *i zém chod' bi já tam mn'eua* ‘и землю хоть бы я там имела’; ЗСЧ *ti bi ses uoptala co na poli se d'elá a já bi ti řek* ‘ты бы спросила, что в поле делают, я бы тебе сказал’; *uon bi duši za mn'e dal // nu / já bi / nad n'im nam'ijalas* ‘он бы душу за меня отдал. . . ну а я бы над ним посмеялась’.

Из этих форм в собственно чешских диалектах находят опору лишь формы прошедшего времени типа *já nevjedel. . . , mi bili. . .*, хотя некоторые из приведенных выше примеров показывают, что в плане сочетаемости (в том числе порядка слов) они в исследуемых говорах употребляются скорее по русскому образцу. Напротив, формы сослагательного наклонения типа *já bi řek* или *abi já našla* в придаточном предложении цели совершенно неизвестны диалектам в Чехии. Кроме форм 3-го л. ед. и мн. ч., форманту *bi* в них всегда сопутствуют личные показатели, производные от форм глагола ‘быть’, что, впрочем, в значительной степени сохраняется и в переселенческих говорах, ср. в СКЧн/а 1-е л. ед. ч. *χtela biχ českej slabikář* ‘я бы хотела чешский букварь’; *χtel bisem si tadi votkrejt kafe nakí* ‘я бы хотел тут открыть какое-нибудь кафе’; *dibisem mn'ela čas / dibisem vjed'ela že. . .* ‘если бы я имела время, если бы я знала, что. . .’; *já bisem se rozeptala* ‘я бы порасспросила’; 2-е л. ед. ч. *ted' bi si se zeptal* ‘теперь бы ты спросил’ и *ted' bis se ledasčeho / co zeptala* ‘теперь бы ты о многом расспросила’; 1-е л. мн. ч. *bili bisme rádi že sme zostali živí* ‘нам бы радоваться, что мы остались живы’; *mi do školi bisme to prodávali* ‘мы бы это в школы продавали’; *jesli já χci / tak abiseme přijeli* ‘если я хочу, так чтобы мы приезжали’; 2-е л. мн. ч. *ted' biste si mohli k nám přijet* ‘теперь вы могли бы к нам приехать’; *vot abiste takle ti d'eři d'želi* ‘вот чтобы вы так вот детей держали’; в СКЧт 1-е л. ед. ч. *χtela biχ / χtela* ‘я хотела бы, хотела’; 2-е л. ед. ч. *jesli bi ti ses vzala za to* ‘если бы ты взялась за это’; 1-е л. мн. ч. *mi bisme i psaly / mi bisme i mluvily pjekn'e* ‘мы бы и писали, мы бы и говорили хорошо’; в ЗСЧ 1-е л. ед. и

мн. ч. *uot dibisem si vipila a bila bi tadi napárn'ice / mi bisme uám takovej išče koncert. . .* 'вот если бы я выпила и была тут напарница, мы мы вам еще такой концерт. . .'; 2-е л. мн. ч. *vot vi biste se u toho ešče uoptali* 'вот вы бы у него спросили'. Таким образом, формы 1-го л. ед. и мн. ч., в которых функцию личного показателя выполняет исключительно местоимение, возникли как кальки соответствующих русских форм. Интересна попытка носительницы ЗСЧ, исполнившей песню с двумя формами сослагательного наклонения, перевести ее на русский язык, причем вторую строчку она просто повторяет на родном говоре, но иначе, чем в песне: *Spíuála biḡ / neumím / plakat se mn'e neḡse / uařila biḡ poliuku / nemám do n'i uejse. . .* Ну *пела бы / не умею / а плакать мне не хочеца / uařila bi poliuku / nemám do n'i uejse* 'сварила бы суп, да нет для него яйца'. Влияние русской формы *пела бы* — даже без местоимения — на соседнюю чешскую *uařila bi* не вызывает сомнений. Оказионально по образцу русских форм сослагательного наклонения с опущенным местоимением в этом говоре появляются и другие формы с *bi* без личного показателя, например, 2-го л. ед. ч.: *vidiš / dalše dibis celou písničku // ten smisl třeba bi to uxit* 'видишь, если бы ты дальше всю песню. . . может, смысл бы и уловил'.

Аналогично в ЗСП и ВСП из распространенных здесь форм прошедшего времени и сослагательного наклонения без личных показателей, производных от глагола 'быть', от исходных польских диалектов могли быть унаследованы лишь формы 1-го л. ед. и мн. ч. С. Урбаньчик указывает, что на территории Польши существуют формы прошедшего времени типа *ja był* (а также *my byli*), но только *tyś był, wyżce byli*, в сослагательном же наклонении отмечает как возможный тип *ja by rob'ił*, во мн. ч. — *byliby my rob'ili* и т. п. [URBAŃCZYK 1984: 51–52]. Примеры таких форм из базового для ЗСП мазурского диалекта на его исходной территории: *ja sé śnał* 'я смеялся'; *mibi ribof ni neli* 'мы бы рыбы не имели'; *mi ḡceli do Kotła* 'мы хотели в Котло'; *kebi tu klátka buua, to bi ja go uufičuu* 'если бы тут была клетка, то я бы его поймал' [NITSCH 1968: 293, 301, 325]. На этом фоне предложенные одной из носительниц ЗСП формы прошедшего времени глагола *pšuuć* 'полоть' *ja fcoraj pšuuua ogrut* 'я вчера полола огород', *mi fcoraj pšuu'i ogrut* 'мы вчера полостили огород' представляются продолжающими старое состояние. Инновацией, однако, следует признать формы 2-го л. ед. и мн. ч. с исключительно местоименными маркерами лица. Показателен ответ той же информантки на вопрос о форме 2-го л. мн. ч. прошедшего времени глагола *ḡoz'íc* 'ходить': *uot m'ib i mužili "v' i ḡoz'ili?"* 'вот мы бы сказали "вы ходили?"'. Тем не менее, когда интервьюеры попросили ее построить фразу без местоимения, она образовала форму *ḡoz'ilišta*. В ЗСП сохраняются также

другие формы прошедшего времени с реликтами вспомогательного глагола 'быть', ср. 1-е л. ед. ч. *koz'i dojić tros'k'e pšiv'ikuam* 'коз доить немного приучилась'; 2-е л. ед. ч. *coš'robžuu, jakeš'latau po guraχ* 'что ты делал, как бегал по горам'; 1-е л. мн. ч. *štiri lata pašlim te ofce* 'четыре года мы пасли этих овец' и т. п. Троякие формы сослагательного наклонения встретились в вариациях текста стихотворного приглашения на свадьбу, цитируемых разными жителями д. Знаменка: *ja vas prose na vesele, c'ob'išta // cob'i v'išta // cob'i tak'e dobre b'ili / do nas jutro na vesele pšib'ili* 'я приглашаю вас на свадьбу, чтобы вы были так добры и прибыли к нам завтра на свадьбу'. Как видно из этого примера, в форме без глагольного личного показателя также и местоимение может быть опущено.

В ВСП формы прошедшего времени без глагольного показателя лица типа *jo plev'iu* 'я полел', *ty plev'iu* 'ты полел', *skošili vy šano* 'вы скосили сено', параллельные формам с показателями *-m* в 1-м л. ед. ч. и *-ś, -śce* или *-śse* во 2-м л. ед. и мн. ч., отмечают АНАНЬЕВА [2013А: 208] и Митренга-Улитина [MITRENGA-ULITINA 2015: 87–88]. Распространение форм первого типа обе исследовательницы связывают с влиянием РЯО, которое, впрочем, также и здесь могло лишь усилить тенденцию, начавшую действовать еще в исходных говорах. В пользу этого свидетельствовали бы и формы 1-го л. мн. ч. типа *pšyšli my* 'мы пришли', явно старые, в которых показатель лица трудно однозначно идентифицировать как восходящий к форме глагола 'быть' или как местоимение (в более новых формах типа *my zebraли* 'мы собрали' порядок слов диктует скорее вторую трактовку). То же относится к двойным формам сослагательного наклонения в ВСП: типы *jo bu χсоц* (при *jo but χсоц*), *jagbuty žyl'i* (МУ 83) могут быть исконными, но поддерживаемыми аналогией с рус. *я бы хотел, как бы мы жили*.

Так же, как в русском и польском языках, формант сослагательного наклонения 'бы', особенно в составе союза, вводящего придаточные предложения цели, в обоих островных польских говорах может сочетаться с инфинитивом: в ЗСП *pšij'eχali tutaj cob'i robžić* 'приехали сюда, чтобы работать', *čša byuo sob'e buduvać žimlanke žeby. . . to se na žime coš vyryχtuvać* 'надо было строить себе землянку, чтобы. . . на зиму себе что-то приготовить' (МУ 178) и т. п. Напротив, в чешских переселенческих говорах аналогичные конструкции представляют собой русизмы, не имеющие опоры в исходных диалектах; ср. в СКЧн/а *von dával taki žyno kon'ím / abí křmit je* 'он и лошадям давал зерно, чтобы их кормить'; в СКЧт *tam bil ešče brát / abí se žen'it* 'там был еще и брат, чтобы жениться' (= собиравшийся жениться); в ЗСЧ *dedeček / ad'bi se na n'í žen'it / uon sm'en'il i v'eru* 'дедушка, чтобы на ней жениться, сменил и веру'. В последнем примере

из ЗСЧ несколько необычный союз цели содержит в первой части побудительную частицу *at*.

В повелительном наклонении общей особенностью изучаемых говоров является утрата синтетических форм 1-го л. мн. ч., вытесняемых русского типа аналитическими формами с вспомогательным глаголом 'давать' во 2-м л. ед. или мн. ч. императива, например: ВСП *davaj pošukumu* 'давай поищем' (МУ 83); ЗСП *davajta še pomodl'im po naszymu* 'давайте помолимся по-нашему'; СКЧн/а *dávej babičku poprosíme* 'давай бабушку попросим'; ЗСЧ *dávejte uznáme něco* 'давайте что-то узнаем'. Специфическое употребление отмечено в СКЧт: *jeď domu i dávej buď doma* 'езжай домой и давай будь дома'.

Влияние РЯО во всех исследуемых говорах заметным образом сказывается также в функционировании категории способа глагольного действия и глагольного вида. При том что конкретные проявления этого влияния не везде совпадают, разные говоры — чешские, польские, а также ВСУг — демонстрируют в этом отношении поразительное сходство, причем в ряде случаев речь может идти об отражении особенностей непосредственно воздействующего на ту или иную группу говоров региолекта русского языка.

Так, значение начала действия или состояния в чешских говорах часто выражается префиксом *za-*²⁷, ср. в СКЧн/а *a tadi zastonal i umřel* 'а тут заболел и умер'; в СКЧт *a potom on tak zastonal* 'а потом он так заболел'; в ЗСЧ *vona zastonala / mn'ela takovou / bol'ezn'* 'она заболела, такая у нее была болезнь'; *druhej rás jak zaduje // celou neděli* 'другой раз как задует — и всю неделю'. В соответствующих фазовых глаголах СВ и НСВ он, однако, был вытеснен префиксом *na-*, как в рус. *начать(ся) / начинать(ся)*, причем и возвратная частица употребляется в них так же, как *-ся* в русском языке. Интересно, что иногда такой глагол с префиксом *na-* выступает скорее эквивалентом рус. *стать / становиться*, ср. в СКЧн/а: *Češi načali rozjíždět se hdo kam* 'чехи начали/стали разезжаться кто куда'; *diš já sem tam jela tenkrát / tak načala povídat* 'когда я в тот раз туда поехала, то начала/стала рассказывать'; *hdiš se vojna načala. . .* 'когда началась война. . .'; *řif tadi načal bejt* 'тут начался тиф'; *načalo to vrodě se vidět* 'вроде как стало видно'; в СКЧт: *a potom to načali se fšecki strojit i načali fšechni druh druhu pomohat* 'а потом все начали строиться и стали друг другу помогать'; в ЗСЧ: *načali fšecki jet / jet / ujíždět* 'все стали уезжать'; *tadi se načíná to kak ras cvíst* 'тут как раз начинает цвести'; *děti načali mín' i mín' bejt* 'детей становилось меньше и меньше'. В ЗСП соответствующие фазовые глаголы также получают

²⁷ Подробнее о калькировании русских приставочных глаголов СВ на материале СКЧн/а см. [Поляков 2014: 136].

префикс *na-*; при этом причастие на *-l* у глагола СВ образуется регулярно (*m'i tu nac'eli v Zn'am'ence z'ic' 'стали мы жить тут, в Знаменке'*) или по образцу глаголов на *-non'c: fšistk'e nacneli. . . ujezzac' 'все стали уезжать'* (подобное же образование зафиксировано в СКЧн/а: *i von'i nančnuli skompiju d'elat 'и они начали заготавливать скумпью'*). Вместе с тем в ЗСП под влиянием РЯО употребляется в качестве фазового также глагол *stać*, например: *on ujeħau s Polsk'i // fšistka nasa rožina staua ujezzac' 'он уехал из Польши, и вся наша семья стала уезжать'*²⁸.

Антонимичный фазовый глагол СВ, обозначающий завершение действия, который тоже может быть возвратным, во всех исследуемых говорах под влиянием РЯО употребляется без префикса, ср. *taťinek múj jako končil ešče m'ešč'anku 'папа мой окончил еще реальное училище'; vojna ešče se nekončila 'война еще не кончилась'* (СКЧн/а); *končila sem školu / trošku sem pracovala 'я окончила школу, немного поработала'; a potom uš fs'o, roctvo se končilo 'а потом уже всё, родство кончилось'* (ЗСЧ); *a ona kon'c'iuā škoce u mn'e i n'i nabraua jeden bau 'а она у меня окончила школу и недобрала одного балла'; ras ras i vn'et jus lato še kon'c'i / i vn'et snova z'ima bynže 'раз-раз — и уже лето кончится, уже снова зима будет'* (ЗСП). С другой стороны, соответствующий глагол НСВ в обоих чешских говорах представляет собой новообразование с суффиксом *-va-*: в СКЧн/а *an'i se to ne. . . nekončivalo / furt to je. . . nekončivá se to 'да это и не кончалось, всё время оно так, не кончается'; a jak vaše učeník'i? von'i uš končívají / da? 'а как ваши ученики? они уже заканчивают, да?'; в ЗСЧ u mn'e je snoħa starší / vona // nu / po kul't'ur'e končivala 'у меня старшая сноха, она по культуре заканчивала (институт)'. Здесь следует заметить, что функционирование этого и других глаголов НСВ часто*

²⁸ Глаголы движения как в ЗСП, так и в ЗСЧ и СКЧт присоединяют заимствованный из русского языка префикс *u-*, выражающий пересечение границы отправного пункта, ср. в ЗСЧ *ujet* и *ujd'it* (рус. *уехать*, *уйти*). В СКЧн/а в этом значении употребляется исконно чешский префикс (*v*)*od-*: *vodject*, *vodejít*; напротив, пересечение границы пункта назначения здесь достаточно последовательно выражает тот же префикс *za-*, какой выступает в этом значении — без дополнительных семантических оттенков — в южных областях территории распространения русского языка, например: *fšedesát vúsím zašli tanki naše 'в шестьдесят восьмом вошли наши танки'; diš sem Češi zajížd'eli / tak jim nařízli ze začátku zemn'e 'когда чехи сюда приезжали, им сначала нарезали землю'; a ten čas akorát fšeckíx i s Čeħ / i N'emci / fšeckí zasilali sem do Ruska d'elat 'а как раз в то время всех из Чехии, и немцев — всех посылали сюда, в Россию, работать'; diš N'emci už zastoupli / naše votstoupli 'когда немцы уже вошли, наши отступили'. Впрочем, тот же префикс глаголы движения могут иметь и в ЗСЧ, например: *zajedeš tam / pustíš vajíčko a uono se pokatí aš semhle 'выедешь вон туда, пустишь яичко — и оно докатится аж досюда'* Ср. в ВСУг: *jedn'aja muj'a zaľofka p'omerla. . . a ja zašľ'a / ħľ'iba napekľ'a 'одна моя золовка умерла. . . а я пришла, хлеба напекла'; zajíħal'i s'ud'y / tre(ba) buľo k'inam'ix'an'ika vo ftoj kcup 'приехали сюда — надо было киномеханика вот в этот клуб'; p'eť š'ist' m'išk'i(u). . . zanes'eš na ho'r'u i pust'avyš 'пять-шесть мешков отнесешь на чердак и поставишь'*.*

подчиняется закономерностям русского видоупотребления. В ряде случаев такой глагол, который ожидался бы в данном контексте в русском языке, образуется окказионально в речи носителей говора — естественно, на базе его собственных средств деривации, ср. в СКЧн/а: *tam druhí nevidržíjou* ‘другие там не выдерживают’.

Как в чешских, так и в польских говорах по русскому образцу распространилось нехарактерное для западнославянских языков употребление глаголов НСВ в так наз. общефактическом результативном значении. Часто это просто глаголы, заимствуемые из русского языка и адаптирующиеся в процессе освоения и образования пары НСВ к системе говора, в результате чего возникают новообразования гибридного характера. Ср. примеры: в СКЧн/а *a tadi zakrili hran'ici. . . a pak zas votkrejvali fkerím roku hran'ici?* ‘а тут закрыли границу, а потом опять — в каком году границу открывали?’ (в чеш. *otevřeli*, не *otevírali*); в ЗСЧ *projížděli tadi i proujeduuati mn'e / ja sem seděla na skam'ejce / uon'i mn'e proujeduvali. . . proujeduuat hodn'e proujeduji* ‘проезжали тут и проводывали меня, я сидела на скамейке, и они меня проводывали. . . проводывать меня часто проводывают’ (в чеш. *navštívili mě* ‘навестили’, не *navštěvovali* ‘навещали’, но *hodně mě navštěvuji*); в ЗСП *uot tak'i ord'in / jigo v Moskve vizivali / un tam dostavau* ‘вот такой орден — его в Москву вызывали, он там получал’ (в польск. *wezwali, dostał* — не *wzywali, dostawał*); *po ukon'cen'u polsk'ej škoуy ona postomp'ivać хсааа f Polše* ‘по окончании польской школы она хотела поступать в Польше’ (в польск. *wstąpić/zapisać się na studia*, не *wstępować/zapisywać się*, но *chciała zdawać egzaminu*) и т. д.

Под влиянием РЯО во всех переселенческих идиомах распространились глаголы с префиксом *po-*, относящиеся к делимитативному и дистрибутивному или дистрибутивно-кумулятивному способам действия. Хотя подобные глаголы известны также собственно чешским и в еще большей степени польским диалектам, в рассматриваемых говорах обе эти категории существенно пополнились новообразованиями, как это иллюстрируют избранные примеры ниже:

а) делимитативные глаголы в СКЧн/а *vona tam jeden s'ez'on poučila* ‘она там один сезон поучила’; *drobet se pošlapu // i bóli / i bóli i bóli* ‘малость потопчусь — и болит. . .’; в СКЧт *trošku sme požili. . . i neužili sme se* ‘мы немного пожили (вместе) — и не сжились’; *tam maj co lyđi pojíst / trošku uot uhošfi* ‘там у людей есть что поесть, немного угостят’; в ЗСЧ *poход'ili / poход'ili // nu a pat'om_ek jak. . .* ‘походили-походили, а потом как? . . .’; *vi tadi pobudete pár dn'í i budete po ruski mluvit* ‘вы тут побудете пару дней и будете по-русски говорить’ (чеш. *robudete* имеет пердуративное значение ‘пробудете’);

б) дистрибутивные глаголы в СКЧн/а *na Ukrajinu je povisílali* ‘на Украину их повысылали’²⁹; *vono to pousíxalo* ‘оно повысыхало’³⁰; *já uš sem to fšexno pozapomínala* ‘я уже всё позабывала’ (ср. в ЗСП *duzo co še pozabacaю* ‘многое позабывалось’, в отличие от чеш. *pozapomínat* и польск. *pozapominało/pozapomniato się* скорее с делимитативным значением); в СКЧт *potřilely druh druha* ‘поперестреляли друг друга’; *mn’ela sem dva bratři / uon’i uš poumíraly* ‘были у меня два брата, они уже поумирали’ (о двоих людях не вполне обычно); в ЗСЧ *z Záporožja popřijížděli* ‘из Запорожья поприезжали’; *fšeckí poujížděli do Herm’an’ije* ‘все поуезжали в Германию’ — ср. в ВСП *tutej n’ikogo n’i ma / pouujížděauy* ‘тут никого нет, поуезжали’ (МУ 111)³¹.

Подобные глаголы дистрибутивного СГД нередки в речи носителей ВСУг: *u m’amy buč’o p’etero / p’eršyfs’i poumyr’ali* ‘у мамы было пятеро (детей), первые все поумирали’; *pat’om už’e. . . t’yji st’aršyji z’amuš povyx’odyl’i* ‘потом уже старшие (сестры) повыходили замуж’; *načel’i str’ojity / sus’t sub’i i toj sub’i. . . pustr’ojil’i dv’i x’aty / tagže poperex’odyl’i* ‘начали строить, сосед себе, и он себе. . . построили две хаты, так что попереходили (о двух семьях)’; *punač’odyl’i svuj’ix r’octv’en’ikčf* ‘понаходили своих родственников’; *mn’yho lud’ej s’e puostav’alos’e* ‘много людей пооставалось’; *mn’yho tam poubyv’ali* ‘многих там поубивали’; *roskuč’ačil’i jix / puzabyr’ali fs’o* ‘раскулачили их, позабирали всё’.

Дистрибутивный префикс *po-* в большинстве случаев присоединяется к глаголу НСВ, изменяя его вид. Тем не менее встречаются также образования с префиксом *po-* от глагола СВ: например, в СКЧн/а *hodn’e jix pozemřelo* — букв. ‘много их поумерло’ (в современном чешском языке фиксируется редкий делимитатив *poumřelo* и дистрибутив *poumřeli*); в

²⁹ Аналогично в чешском говоре села Веселиновка Одесской обл. Украины: *poru kolik posouč’ili tam, povisílali do tajy’i, tam to poumíralo* ‘попов сколько поосуждали там, повысылали в тайгу, там и поумирали’ [<http://www.ceskatelevize.cz:8080/ivysilani/1185258379-cesty-viry/206562215500015-obdarovani/titulky>]. При переводе примеров анализируемых здесь диалектных дистрибутивов условно используются их буквальные русские соответствия — безотносительно к употребительности/неупотребительности таких образований в литературном русском языке.

³⁰ Ср., однако, чеш. *Tři leta potom suchem i studně povysýchaly* ‘три года спустя от засухи даже колодцы повысыхали’ как архаичный регионализм в чешско-польском языковом пограничье [http://www.svkos.cz/data/xinha/docs/e_knihy/Polska_Ostrava_a_okoli.pdf].

³¹ Интересно, что соответствия глаголов, выступающих в примерах из СКЧн/а *von’i se porozjíděli* и ВСП *žeći teros porozjíděauy se* (МУ 111), которые напоминают кальки рус. *поразъезжались*, употребляются как в чешском языке (в ограниченной мере), так и в польском; между тем дистрибутивы, производные от однокоренных глаголов с префиксом *při-/przy-*, если и существуют, то лишь в диалектах. Что касается дистрибутивов *poujížděli* (ЗСЧ), *pouujížděauy* (Вершина), то префикс *u-* перед корнем выдает их русское происхождение (*поуезжали*).

ЗСП *zara ja tu pov'itše* 'сейчас я тут повытру/подотру' (с дистрибутивным либо также делимитативным значением); в ВСП *a ta možiš jak popšelyňkya še* 'а молодежь эта как поперепугалась' (МУ 111). В некоторых случаях дистрибутивный префикс *po-* усилен другим, кумулятивным префиксом *na-*³² либо даже удвоен, ср. в СКЧн/а *požili tam / ponasázeľi si co χfeli* 'пожили там, понасажали что хотели'; *ponajízďeli tam Armen'i* 'понаехали туда армяне' (при этом в чешском примере *pona-* присоединяется к корню префиксальных глаголов типа *přijíždět*, а не основного глагола); в ЗСП *kón'my san'i na gure vyvloko tud'y / a tedy še ponašadam'i p'euno i vn'is* 'на лошадях сани вытащат туда, наверх, и тогда мы понасядем(ся) в них до отказа — и вниз'; *a ot χto n'e muk n'ic robžic // guot / i popoun'eral'i* 'а вот кто не умел ничего делать, голод — и поумирали' (в польском диалектном образовании с удвоением *po-*).

Относя активизацию дистрибутивных образований с префиксом *po-* и тем более с двумя префиксами *pona-* и *popo-* в исследуемых переселенческих говорах за счет влияния РЯО, следует особо подчеркнуть, что высокая продуктивность таких моделей в русском языке представляет собой диалектное явление. Применительно к Сибири это отмечает, в частности, М. А. Харламова. Основываясь на материале как старо-, так и новожильческих говоров в Омской области, она приводит примеры глаголов, из которых лишь отдельные, типа *паубив'али*, достаточно широко функционируют в русском языке, большинство же относится к диалектизмам, например: *пов'ыползли* (от глагола СВ), *панав'аривают*, *понараскул'ачить*, *пополам'ать*, *попомер'еть* и т. д. [Харламова 2014: 81–82, 86, 88–89]. Отсюда можно сделать вывод, что на активизацию этих образований в западнославянских переселенческих говорах Сибири, а также в ВСУг оказали влияние сибирские русские говоры как региональные варианты господствующего языка окружения.

4. Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что динамика развития описываемых инославянских переселенческих говоров в России определялась и определяется значительной степенью открытости их систем по отношению к системе РЯО (в прошлом также других идиомов, с которыми они вступали в контакт), однако процесс этот нельзя назвать прямолинейным. Во всех этих говорах происходило и происходит постоянное "осциллирование" между усвоением элементов воздействующего языка и их адаптацией к своей системе. Это, как было показано во второй части статьи, затрудняет

³² Этот префикс может выражать кумулятивное значение и сам по себе, ср. в СКЧн/а: *yon'i tam potom nastrojili haraže'e* 'они там потом настроили гаражей'; в ЗСЧ: *já sem napouidala* 'я наговорила'.

синхронное описание фонологической системы таких говоров, порождая проблемы, многие из которых, по всей видимости, не имеют однозначного решения. Такова, в частности, трактовка статуса /v/ как звонкой шумной или сонорной фонемы в чешских говорах и в ВСУг или интерпретация колебаний в месте образования шипящих согласных при их возможном смешении с полумягкими и порой твердыми свистящими в ЗСП. В морфологии в результате частичного восприятия такими говорами исходящих от РЯО импульсов на некоторых участках системы может возникать своеобразное — притом хорошо сбалансированное — промежуточное состояние, которое не тождественно ни первоначальному в соответствующем говоре, ни состоянию в РЯО, что было продемонстрировано в третьей части статьи применительно к развитию категории одушевленности существительных. Иногда в переселенческих идиомах развиваются даже специфические инновации, например в распространении отдельных окончаний или в сфере суффиксальной деривации при выражении СГД.

Смешанный характер обследованных переселенческих говоров в России не подлежит сомнению — как и то, что говоры эти постепенно исчезают. Тем более факт сохранения и дальнейшего развития этих говоров в течение более века после переселения предков их современных носителей, притом в отнюдь не легких, а зачастую просто трагических обстоятельствах, заслуживает признания и увековечения.

Библиография

АНАНЬЕВА 1994

АНАНЬЕВА Н. Е., *История и диалектология польского языка*, Москва, 1994.

——— 2013А

АНАНЬЕВА Н. Е., “Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области”, in: Л. Э. Калнынь, ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 16, Москва, 2013, 203–210.

——— 2013Б

АНАНЬЕВА Н. Е., “Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом”, in: А. М. Молдован, С. М. Толстая, ред., *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 467–478.

БОРИСОВА 2005

БОРИСОВА О. Г., *Кубанские говоры: материалы к словарю*, Краснодар, 2005.

БЮТОВ 2011

БЮТОВ Э., “100-летие Пихтинска в Восточной Сибири и реформы Столыпина”, in: Ю. Лыхин, ред., *История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы. Материалы научно-практической конференции 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области*, Иркутск, 2011, 28–56.

ДУРНОВО 1969

ДУРНОВО Н. Н., *Введение в историю русского языка*, Москва, 1969.

ЗАКРЕВСЬКА 1988

ЗАКРЕВСЬКА Я. В., ред., *Атлас української мови*, 2, Київ, 1988.

ЗАЛЕСЬКИЙ 2001

ЗАЛЕСЬКИЙ А. М., ред., *Атлас української мови*, 3/3, Київ, 2001.

Поляков 2014

Поляков Д. К., “Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах”, in: Н. В. Злыднева, ред., *Гибридные формы в славянских культурах*, Москва, 2014, 132–147.

Пукиш 2010

Пукиш В. С., *Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010*, Ростов-на-Дону, 2010.

СКОРВИД 2014

СКОРВИД С. С., “Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири”, *Славяноведение*, 1, 2014, 44–58.

——— 2016

СКОРВИД С. С., “О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе”, in: М. В. Ослон, ред., *Балто-славянская акцентология: Материалы VII международного семинара*, Москва, 2016, 142–158.

ХАРЛАМОВА 2014

ХАРЛАМОВА М. А., *Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация*, Омск, 2014.

BALHAR 2002

BALHAR J., red., *Český jazykový atlas*, 4, Praha, 2002.

——— 2005

BALHAR J., red., *Český jazykový atlas*, 5, Praha, 2005.

BĚLIČ 1972

BĚLIČ J., *Nástin české dialektologie*, Praha, 1972.

DEJNA 1993

DEJNA K., *Dialekty polskie*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993.

GŁUSZKOWSKI 2012

GŁUSZKOWSKI M., “Bilingwizm z dyglosją w sytuacji wyspowej. Polska wieś Wierszyna na Syberii,” in: M. KORYTKOWSKA ET AL., ed., *Z polskich studiów slawistycznych*, 12: *Językoznawstwo* (= Prace na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Mińsku 2013), Warszawa, 2012, 45–51.

LAMPRECHT 1976

LAMPRECHT A. ET AL., *České nářeční texty*, Praha, 1976.

LEOŃCZYK 2013

LEOŃCZYK S., “Mazurskie wioski na południu Syberii. 120 lat osadnictwa,” *Rodacy. Pismo syberyjskie Kongresu Polaków w Rosji*, 2 (60), 2013, 22–25.

MITRENGA-ULITINA 2015

MITRENGA-ULITINA S., *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*, Lublin, 2015.

NITSCH 1968

NITSCH K., *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa, 1968.

STIEBER 1956

STIEBER Z., *Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*, Warszawa, 1956.

STUPIŃSKI 2009

STUPIŃSKI E., “Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska,” in: S. GALA ET AL., ed., *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 54, Łódź, 2009, 197–204.

ŠTOLC 1994

ŠTOLC J., *Slovenská dialektológia*, Bratislava, 1994.

URBAŃCZYK 1984

URBAŃCZYK S., *Zarys dialektologii polskiej*, Warszawa, 1984.

References

- Ananyeva N. E., *Istoriia i dialektologiiia pol'skogo iazyka*, Moscow, 1994.
- Ananyeva N. E., "Morfologiiia glagola v pol'skom govore derevni Vershina Bokhanskogo raiona Irkutskoi oblasti," in: L. E. Kalnyn', ed., *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 16, Moscow, 2013, 203–210.
- Ananyeva N. E., "Tipologiiia pol'skikh govorov Sibiri i rezul'taty ikh kontaktov s russkim idiomom," in: A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya, eds., *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 467–478.
- Balhar J., red., *Český jazykový atlas*, 4, Praha, 2002.
- Balhar J., red., *Český jazykový atlas*, 5, Praha, 2005.
- Bělič J., *Nástin české dialektologie*, Praha, 1972.
- Borisova O. G., *Kubanské govory: materialy k slovari*, Krasnodar, 2005.
- Byutov E., "100-letie Piktinská v Vostochnoi Sibiri i reformy Stolypina," in: Yu. Lykhin, ed., *Istoriia, etnografiia, arkhitektura pereselencheskikh sel perioda stolypinskoi reformy*, Irkutsk, 2011, 28–56.
- Dejna K., *Dialekty polskie*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993.
- Durnovo N. N., *Vvedenie v istoriiu russkogo iazyka*, Moscow, 1969.
- Głuszkowski M., "Bilingwizm z dyglosją w sytuacji wyspowej. Polska wieś Wierszyna na Syberii," in: M. Korytkowska et al., ed., *Z polskich studiów slawistycznych*, 12: *Językoznawstwo* (= Prace na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Mińsku 2013), Warszawa, 2012, 45–51.
- Kharlamova M. A., *Konstanty narodnoi rechemysli i ikh leksikograficheskaia interpretatsiia*, Omsk, 2014.
- Lamprecht A. et al., *České nářeční texty*, Praha, 1976.
- Leończyk S., "Mazurskie wioski na południu Syberii. 120 lat osadnictwa," *Rodacy. Pismo syberyjskie Kongresu Polaków w Rosji*, 2 (60), 2013, 22–25.
- Mitrenga-Ulitina S., *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*, Lublin, 2015.
- Nitsch K., *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa, 1968.
- Polyakov D. K., "Interferentsionnye protsessy i gibridizatsiia v pereselencheskikh govorakh," in: N. V. Zlydneva, ed., *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh*, Moscow, 2014, 132–147.
- Pukish V. S., *Chekhi Severnogo Kavkaza: gody i sud'by. 1868–2010*, Rostov-na-Donu, 2010.
- Skorvid S. S., "Czech Migrant Dialects in the Northern Caucasus and in Western Siberia," *Slavianovedenie*, 1, 2014, 44–58.
- Skorvid S. S., "O nekotorykh prosodicheskikh osobennostiakh govora potomkov cheshskikh pereselentsev na Severnom Kavkaze," in: M. V. Oslon, ed., *Balto-slavianskaia aktsentologiiia: Materialy VII mezhdunarodnogo seminaru*, Moscow, 2016, 142–158.
- Stieber Z., *Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*, Warszawa, 1956.
- Stupiński E., "Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska," in: S. Gala et al., ed., *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 54, Łódź, 2009, 197–204.
- Štolc J., *Slovenská dialektológia*, Bratislava, 1994.
- Urbańczyk S., *Zarys dialektologii polskiej*, Warszawa, 1984.
- Zakrevs'ka Ya. V., ed., *Atlas ukraïns'koï movy*, 2, Kiev, 1988.
- Zales'kyi A. M., ed., *Atlas ukraïns'koï movy*, 3/3, Kiev, 2001.

доц. **Сергей Сергеевич Скорвид**, канд. филол. наук
 Российский государственный гуманитарный университет,
 Институт филологии и истории, и. о. зав. кафедрой славистики
 и центральноевропейских исследований
 125047 Москва, ул. Чайнова, д. 15 к. 7
 Россия/Russia
 slavcenteur@gmail.com

Received August 2, 2016